

ВОРОНЕЖСКІЯ
СНАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ

Выходятъ два раза въ мѣсяцъ 1-го и 15-го числа. Подписка принимается на годъ въ редакціи Епар. Вѣдъ при дух. семии въ Воронежѣ.

№ 2.

Цена сему изданію на годъ 4 р., а съ доставкою или пересылкою—5 р., въ томъ числѣ почта 60 к., за бандероль упаковку и др. расх 40 к.

15-го Января 1875 года.

СОДЕРЖАНІЕ — *Отдѣлъ оффиціальныи.* — По духовно-учебному вѣдомству: Журналъ учебнаго комитета при Св. Синодѣ. — О составленной Директоромъ народныхъ училищъ Могилевской губерніи г. Роцинымъ книгѣ, подъ заглавіемъ: «Очеркъ главнѣйшихъ практическихъ положеній педагогики, дидактики и методики, примененной къ учебнымъ предметамъ начального образованія». — *Отдѣлъ неоффиціальныи:* — Общія свѣдѣнія изъ Географіи Математической, Физической и Политической.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫИ.

ПО ДУХОВНО-УЧЕБНОМУ ВѢДОМСТВУ.

ЖУРНАЛЪ

УЧЕБНАГО КОМИТЕТА ПРИ СВ. СИНОДѢ, ЗА № 77-МЪ.

О составленной Директоромъ народныхъ училищъ Могилевской губерніи г. Роцинымъ книгѣ, подъ заглавіемъ: «Очеркъ главнѣйшихъ практическихъ положеній педагогики, дидактики и методики, примененной къ учебнымъ предметамъ начального образованія». (Второе исправленное и дополненное изданіе, Москва, 1873 г.).

Школа не мыслима безъ учителя, дѣльный учитель не мыслимъ безъ правильной педагогической подготовки,

—последняя же сама собою предполагаетъ существованіе разумно, толково составленныхъ учебно-педагогическихъ руководствъ, изъ которыхъ каждый учитель могъ бы почерпнуть *необходимыя* для веденія своего дѣла свѣдѣнія. Разсматриваемый трудъ г. Роцина назначенъ именно для этой цѣли. Г. Роцинъ желаетъ, по его словамъ, дать руководство, въ которомъ учителя, особенно начинающіе, нашли бы для себя сжатое изложеніе *практическихъ положеній*, относящихся къ учебно-воспитательной сферѣ, а равно «тѣхъ *приемовъ и способовъ*, достоинство которыхъ оправдалось опытомъ и лучшими педагогическими авторитетами» (придиск. IV). Знакомство съ тѣми и другими должно, по мысли автора, «значительно облегчить дѣятельность начинающихъ и предостеречь ихъ по крайней мѣрѣ отъ грубыхъ педагогическихъ промаховъ». Такой цѣли нельзя не сочувствовать, хотя выполненіе ея представляетъ значительныя трудности. Трудности эти заключаются какъ въ существѣ предмета, такъ и въ приспособленіи руководства къ данной цѣли. Судя по заглавію «Очерка» авторъ желаетъ ограничить свой трудъ изложеніемъ *практическихъ положеній*: но извѣстно, что послѣднія имѣютъ *теоретическую* основу, въ которой едвали возможно правильно понять и уразумѣть самыя «практическія положенія». Въ этомъ отношеніи справедливо замѣчаніе одного изъ современныхъ педагоговъ, что «между всѣми *практическими* предметами нѣтъ болѣе практичнаго — *истинной теоріи*; и между всѣми предметами *непрактическими* ничего нѣтъ болѣе непрактичнаго, какъ практика, лишенная вѣрной *теоретической* основы». Итакъ, первая трудность постановленной задачи лежитъ въ правильномъ соединеніи «практическихъ положеній» педагоги съ ихъ теоретическими основами. Трудность эта тѣмъ серьезнѣе, что педагогія, въ смыслѣ науки, далеко не достигла еще той степени развитія, на которой основной принципъ науки, строго-

логически раскрываясь въ подробностяхъ, охватываетъ и заключаетъ въ себѣ безъ остатка всю массу явленій и данныхъ, входящихъ въ ея содержаніе. Нужно много знаній, такта, опытности, чтобы обойти эту трудность и внести въ «руководство» дѣйствительно истинное, общепризнанное, избѣжать противорѣчій въ цѣломъ и подробностяхъ. Другая трудность заключается въ изложеніи матеріала, приспособительно къ данной цѣли. Авторъ предназначаетъ свое руководство для учителей и учительницъ, не получившихъ правильной, систематической подготовки, въ томъ числѣ и для нашихъ народныхъ учителей. Изъ послѣднихъ едва ли не большинство случайно занимаютъ мѣста наставниковъ, иногда безъ всякой даже общеобразовательной подготовки. Писать для такихъ людей о предметахъ педагогическихъ весьма трудно. Достаточно указать на область психическихъ явленій, существенно входящихъ въ предметъ педагогики, чтобы признать эту мысль несомнѣнною. Психическій анализъ принадлежитъ къ труднѣйшимъ проблемамъ человѣковѣдѣнія; онъ требуетъ въ высокой степени развитаго ума, способнаго притомъ къ строго-логическому обобщенію, ума, привыкшаго работать надъ матеріаломъ не только трудно-уловимымъ, часто измѣнчивымъ, но и необыкновенно сложнымъ, заключающимъ въ себѣ въ каждомъ данномъ моментѣ, самыя разнородныя стихіи. Трудностями этого дѣла и объясняется, между прочимъ, то обстоятельство, что мы доселѣ не имѣли руководства для народныхъ учителей, которое бы вполне удовлетворяло требованіямъ современной педагогики и въ тоже время было бы доступно для нашихъ начальныхъ учителей. Бъ сожалѣнію и г. Роцинъ, какъ это будетъ видно далѣе, не сумѣлъ справиться съ своею задачею. «Очеркъ» г. Роцина въ сущности дѣла представляетъ простую *компиляцию* изъ разныхъ пособій, которыми авторъ пользо-

вался, хотя онъ и не всегда указываетъ источники, изъ которыхъ дѣлаетъ заимствованія (напр. на стр. 73-й и др.).

Весь трудъ Роцина распадается на три отдѣла: 1) *Общая педагогика*, 2) *Дидактика*, 3) *Методика*. Дѣленіе это обращаетъ вниманіе своею нелогичностью: въ немъ равнозначущими являются члены подчиненные, заключающіеся одни въ другихъ. Такъ «дидактика» составляетъ часть подчиненную «общей педагогике», а «методика» составляетъ часть прикладную «дидактики»; сопоставлять же ихъ какъ *равныя*, нѣтъ никакихъ уважительныхъ основаній. Впрочемъ, не только въ этомъ, но и въ другихъ случаяхъ, г. Роцинъ дѣлаетъ дѣленія, не руководясь равно никакими соображеніями, что указано будетъ ниже. Самое заглавіе «Общая педагогика» совершенно не отвѣчаетъ содержанію, ибо, съ одной стороны въ эту часть вошло много свѣдѣній изъ частной педагогики, съ другой—она не заключаетъ въ себѣ ничего цѣльнаго, полнаго, такъ что ближе къ дѣлу было бы обозначить эту главу заглавіемъ «элементарныя свѣдѣнія изъ педагогики». Въ этомъ отдѣлѣ обращаетъ на себя вниманіе весьма важный *пробѣлъ*: въ немъ ничего не сказано о воспитаніи эстетическомъ. Если у насъ мало дѣлается въ этомъ отношеніи, то отсюда вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы совершенно пренебрегать имъ и въ изложеніи педагогическихъ руководствъ.

«Общая педагогика» г. Роцина состоитъ изъ 10 статей, изъ коихъ первая носитъ такое заглавіе: «необходимость знанія законовъ и правилъ воспитанія, *въ особенности для женщинъ*, опредѣленіе педагогики и ея раздѣленіе». Страннымъ представляется добавленіе «*въ особенности для женщинъ*»,—спрашивается, почему же для женщинъ? Авторъ на это не даетъ уважительнаго отвѣ-

та. Правда, онъ указываетъ на то, что дѣти «до 8—9 и болѣе лѣтъ» находятся на рукахъ женщинъ, «воспитательное же вліяніе мужчинъ начинается только съ отроческаго возраста» (стр. 3). Но во первыхъ, ужели отецъ не можетъ и не долженъ имѣть вліянія на воспитаніе своихъ дѣтей до 9 лѣтъ? Развѣ не можетъ женщина—мать обращаться за совѣтомъ о воспитаніи малютокъ къ мужчинамъ? А тогда и мужчинамъ нужно знать законы и правила воспитанія. Но если даже дитя до 9 лѣтъ будетъ исключительно отдано на воспитаніе женщинамъ, и только съ 9 лѣтъ начинается воспитаніе его мужчинами, все равно является непонятнымъ, почему «знаніе законовъ и правилъ воспитанія необходимо *въ особенности* для женщинъ». Развѣ «законы и правила воспитанія» имѣютъ примѣненіе только въ воспитаніи ребенка *до 9 лѣтъ*, а съ 9-ти знаніе тѣхъ и другихъ уже не имѣетъ мѣста, не нужно?...

Въ изложеніи этой главы встрѣчаются нѣкоторые промахи. Такъ, на 1-й страницѣ авторъ говоритъ, что ребенокъ является въ міръ не развитымъ, а на 2-й стр. признаетъ его одареннымъ «*богато развитою* тѣлесною организаціею». Затѣмъ авторъ слишкомъ много придаетъ значенія первымъ впечатлѣніямъ дѣтства, находя въ нихъ объясненія даже геніальности нѣкоторыхъ натуръ. Такъ авторъ указываетъ на Гайдна, замѣчая, что на него «въ первый разъ (?) произвело сильное впечатлѣніе пѣніе его родителей, въ особенности нѣжный голосъ его матери» и вотъ «музыка стала его любимымъ занятіемъ и *сдѣлала* (?) изъ него знаменитаго композитора» (стр. 3). Подобное *объясненіе* геніальности великаго композитора нельзя не признать слишкомъ наивнымъ и крайне поверхностнымъ. Евгений Савойскій сдѣлался героемъ, по словамъ г. Рощина, потому что мать рассказывала Евгению, еще двухъ-лѣтнему ребенку, о герояхъ; о Пуш-

кинѣ авторъ говоритъ, что «едвали не больше всего онъ обязанъ своей нянѣ Родіоновнѣ» (ibid). Авторъ, очевидно, не признаетъ гениальности самой природы нашего великаго поэта, — не будь Родіоновны, Пушкинъ не былъ бы, пожалуй, и поэтомъ. Но вѣдь даже простое соображеніе могло бы показать странность приведенныхъ гипотезъ г. Рошину: няня Родіоновна пѣла пѣни и сказки сказывала не одному же Пушкину, а между тѣмъ изъ всѣхъ ея слушателей только онъ одинъ и былъ гений. Послѣ этого гениальность Ньютона можно объяснить тѣмъ, что на него произвело впечатлѣніе небо и онъ долго на него смотрѣлъ въ дѣтствѣ: но смотрятъ на небо миллиарды дѣтей и людей, а Ньютоны рождаются вѣками. Конечно, на возбужденіе гениальныхъ натуръ могутъ дѣйствовать и ближайшія вліянія окружающихъ людей и природы, но отсюда еще далеко до тѣхъ объясненій, какія даетъ г. Рошинъ. Кто заронилъ «гениальность» въ душу Холмогорскаго рыбака, кто сдѣлалъ Суворова героемъ побѣдъ, а Петра — великимъ? Ни исторія, ни наука о человѣкѣ еще не дали намъ рѣшительнаго и точнаго отвѣта на эти вопросы; но если бы для гениальности въ музыкѣ достаточно было нѣжнаго голоса матери, для образованія героев — рассказовъ о великихъ подвигахъ, для приготовленія гениальныхъ поэтовъ — сказки и пѣсни няни, то человечество гораздо больше имѣло бы гениевъ.

Въ тойже главѣ, опредѣляя педагогику, какъ науку, авторъ называетъ ее систематическимъ *сводомъ правилъ воспитанія и обученія*. Никакая наука, если только она дѣйствительно есть наука, не есть *сводъ*, т. е. систематическое собраніе правилъ чего бы то ни было. Наука развивается изъ принциповъ, а сводъ — это агрегатъ, сложная масса, не имѣющая ни органической связи, ни живаго единства. Всякое научное построеніе предполагаетъ основную идею, которая и должна раскрываться въ

ча
по
об.
не
бы
тѣ
ав
но
ел
ого
го
вен
вс
ст
да
он
да
ис
де
ди
го
но
на
въ
(?)
Зд
дан
лов
двѣ
пур
сн
вс

частностяхъ, служа изъясненіемъ и высшимъ принципомъ для всѣхъ данныхъ и явленій, составляющихъ ея область. Если авторъ почему-либо нашелъ неудобнымъ передачу этихъ понятій въ своемъ «Очеркѣ», то могъ бы совсѣмъ опустить вопросъ о педагогикѣ, какъ наукѣ, тѣмъ болѣе что предметъ этотъ сложенъ, отвлеченъ, а авторъ имѣетъ въ виду одни «практическія положенія»; но давать объясненія невѣрныя во всякомъ случаѣ не слѣдовало-бы.

Переходя далѣе къ раздѣленію педагогики, авторъ говоритъ: «Общая (sic) педагогика раздѣляется *обыкновенно* (что за странный «принципъ обыкновенія»!) но не всякое обыкновеніе разумно, есть *usus tyrannicus*...) на собственно педагогикѣ, дидактику, методикѣ и исторію педагогики». (стр. 4). Въ этомъ дѣленіи нѣтъ ни какого *основанія*, въ немъ смѣшаны роды и виды, исторія же педагогики совсѣмъ не имѣетъ здѣсь мѣста, какъ вообще исторія предмета во всякой наукѣ: мѣсто ея или зѣ введеніи, или она какъ элементъ (историческій) можетъ входить въ видѣ дополненія въ изложеніе отдѣльныхъ трактатовъ науки, ибо исторія составляетъ не *часть* послѣдней, но *последовательное* развитіе ея.

2-я гл. посвящена физическому воспитанію. Написана она довольно сжато, и также не безъ промаховъ. Такъ въ началѣ главы авторъ пишетъ: «Воспитаніе бываетъ (?) *тройкое*: физическое, умственное и нравственное». Здѣсь опять дѣленіе безъ всякой основы и точки зрѣнія дано совершенно произвольно. Предметъ воспитанія — человекъ: а такъ какъ природа человека представляетъ двѣ совершенно различныхъ стороны — тѣлесную и духовную, то понятно, что и воспитаніе должно быть *физическимъ* и *духовнымъ*: за тѣмъ, анализируя явленія и процессы развитія духовной жизни, мы различаемъ въ ду-

шѣ человѣка способности, соотвѣтственно коимъ и дѣлится психическое воспитаніе на умственное (интеллектуальное), нравственно-религіозное и эстетическое. Правда, что дѣленіе это очень старо, но вѣдь не нова и природа человѣча, которая служитъ предметомъ педагогики, между тѣмъ въ этомъ старомъ дѣленіи есть логичность, чего нѣтъ въ дѣленіи г. Роцина.

За тѣмъ обращаетъ на себя вниманіе положеніе: «Чѣмъ совершеннѣе тѣло, тѣмъ легче подчиняется оно душѣ». (стр. 5). Дѣйствительно ли «совершенство тѣла находится въ столь прямомъ отношеніи къ душѣ»? Факты и наблюденія говорятъ противное. Наиболѣе «совершенное», конечно, въ смыслѣ физическаго здоровья, тѣло у атлетовъ, акробатовъ и т. под. лицъ» исключительно посвящающихъ свою жизнь укрѣпленію и развитію своего организма; но можно ли о нихъ сказать, что тѣло ихъ *легче* подчиняется душѣ, тѣмъ болѣе, что душевныя силы у такихъ людей обыкновенно остаются не развитыми. Актъ подчиненія тѣла душѣ не есть актъ чисто органической жизни, но прежде всего есть фактъ высоко развившейся воли, окрѣпнувшей въ продолжительномъ упражненіи самообладанія. Дальше авторъ говоритъ, что «слабое тѣло не можетъ удовлетворять *всѣмъ* потребностямъ души», но спрашивается, какое же тѣло можетъ *удовлетворить всѣмъ* потребностямъ души? Потребности духа такъ высоки, безграничны, духовны, что удовлетворить имъ *всѣмъ* и самый здоровый организмъ не въ состояніи. Взять въ примѣръ хотя потребность *знанія*. —она безгранична, не объемлетъ ничѣмъ пространственнымъ, начало этого стремленія мы можемъ наблюдать, а предѣла его мы не видимъ: можетъ ли удовлетворить этой потребности тѣло и въ чейъ состояло бы это удовлетвореніе? Тѣло служитъ лишь орудіемъ для проявленія духовныхъ стремленій, следовательно, здѣсь

рѣчь могла идти не объ *удовлетвореніи* послѣднихъ, а лишь о большей или меньшей *пригодности* тѣла для этой цѣли. Вѣроятно авторъ имѣлъ въ виду эту мысль, но выразилъ ее неудачно. Дальше здѣсь же говорится, что «*вліяніе* (sic) слабаго тѣла на душу производитъ въ ней мысли, чувства и желанія не полныя, не нормальныя» (ibid). Выраженіе «*вліяніе производитъ* мысли» неправильно; если болѣзнь тѣла вызываетъ въ больномъ известную настроенность мыслей и пр., очевидно, «мысли, чувства и желанія», возникающія по этому поводу, и составляютъ *вліяніе* больнаго тѣла на душу; но за тѣмъ, чтобы само *вліяніе* производило еще мысли и проч., сказать этого нельзя. И что такое «мысли не полныя, не нормальныя», производимыя будто бы вліяніемъ тѣла?

Говоря о качаніи въ колыбели, авторъ безусловно признаетъ его вреднымъ и говоритъ, что если вообще отъ укачиванія ребенокъ успокаивается, то это отъ того, что онъ *впадаетъ въ одуреніе* (стр. 6). Сказано слишкомъ много. Укачиваніе ребенка имѣетъ различныя формы. Такъ мать укачиваетъ дитя *на рукахъ* и ребенокъ не рѣдко засыпаетъ; ужели это происходитъ отъ того, что онъ «впадаетъ въ одуреніе»? Укачиваніе просто производитъ въ немъ пріятное ощущеніе, а однообразіе движенія—усыпляетъ. Безусловно-вреднымъ можно признать укачиваніе въ колыбели горизонтальное, особенно при усиленномъ движеніи послѣдней: но этого нельзя сказать о движеніи вертикальномъ, при посредствѣ прикрѣпленной къ потолку желѣзной *сиралаи*, которая, вытягиваясь и сокращаясь отъ легкаго давленія руки, производитъ спокойное и равномерное движеніе колыбели сверху внизъ, при чемъ ребенокъ остается совершенно спокойнымъ, даже неподвижнымъ. Никакого одуренія ребенка при этомъ быть не можетъ.

На стр. 11 авторъ пишетъ: *регулярная (?) гимнастика прямо служитъ, такъ сказать, одухотворенію тѣла*. Что значитъ одухотворить тѣло и можетъ ли для этой цѣли служить гимнастика?—Цѣль гимнастики—просто физическое здоровье; для одухотворенія же тѣла необходимы иныя средства.

Весь отдѣлъ о физическомъ воспитаніи изложенъ на 4-хъ страницахъ, значитъ весьма кратко; но краткость хороша, когда она не опускаетъ существеннаго. Въ этомъ же отдѣлѣ нельзя не указать на нѣкоторые весьма важные пробѣлы. «Очеркъ» назначается для учителей, обучающихся въ разнаго рода школахъ, а потому изъ физическаго воспитанія, казалось бы, въ него должны войти свѣдѣнія, преимущественно касающіяся школьной диететики и гигиены. А между тѣмъ, распространяясь о начальномъ физическомъ воспитаніи, авторъ школьную гигиену совсѣмъ опускаетъ изъ виду, да и о гимнастикѣ говоритъ очень мало.

Психическому воспитанію авторъ посвящаетъ 8 главъ, изъ нихъ 4 гл. посвящены умственному воспитанію, остальные 4—нравственному; при чемъ о воспитаніи чувства говорится мимоходомъ, а эстетическое воспитаніе совсѣмъ опущено. И въ этомъ отдѣлѣ есть не мало промаховъ. Укажемъ нѣкоторые.

Разсматривая первыя проявленія познавательной способности въ дѣтяхъ, авторъ обозначаетъ моменты ихъ съ такой точностію, какая не оправдывается ни опытомъ, ни существомъ дѣла. Такъ онъ говоритъ, что «въ чувствѣ зрѣнія только послѣ 6-ти недѣль начинаютъ проявляться *первыя проблески оцѣнительности*» (стр. 13); но это едвали можно сказать такъ рѣшительно. Боль скоро у ребенка открыть глазъ, то онъ уже неизбежно испытываетъ

вліяніе свѣта; пусть сначала оно будетъ несознаннымъ, но отрицать это вліяніе невозможно и можно съ вѣроятностію полагать, что оно не только есть, но и служитъ однимъ изъ внѣшнихъ стимуловъ развитія органа зрѣнія. Когда же начинается собственно процессъ зрѣнія, какъ дѣятельности сознательной, опредѣлить совершенно невозможно съ точностію, какъ потому, что въ самой сознательности есть степени, которыя дѣлаютъ незамѣтнымъ переходъ изъ состоянія безсознательности къ сознательности, такъ вслѣдствіе разнообразія индивидуальностей, а равно и въ силу различія тѣхъ впечатлѣній и вліяній, которыя испытываетъ каждый ребенокъ въ своей средѣ. Затѣмъ нельзя не отмѣтить нѣкоторыхъ фразъ, за которыми не видно никакого содержанія и смысла, каковы выраженія: «въ душѣ ребенка начинается *разсѣять*» (стр. 14), или «впечатлѣнія *непостижимымъ образомъ* воспринимаются душою» (стр. 18) и т. под., такія выраженія не слѣдовало бы допускать въ руководство, какъ общія, ничего не дающія фразы, совершенно безсодержательныя.

Вообще статьи о психическомъ воспитаніи составлены слишкомъ отвлеченно и страдаютъ обиліемъ общихъ фразъ. Между прочимъ авторъ говоритъ, что впечатлѣнія воспринимаются душою, прибавляетъ, что «при этомъ возникаетъ нами, какъ *говорятъ* (sic) въ психологій, уже не *количественное* раздраженіе нерва, а происходитъ *качественное*, сознаваемое состояніе духа, называемое ощущеніемъ». Авторъ оставляетъ это положеніе безъ всякихъ поясненій, хотя назначаетъ свое руководство для читателей малоподготовленныхъ. Позволительно сомнѣваться, чтобы это положеніе было понято народными учителями. Затѣмъ, къ чему эта добавка, какъ *говорятъ* (sic) въ психологій? А въ дѣйствительности развѣ это не то бываетъ? Пунктъ, который затронуть авторомъ, имѣетъ существенное значеніе и въ психологій и въ не-

дагогид, но оставленный безъ разъясненія оцъ совершенно теряетъ значеніе, тѣмъ болѣе, что авторъ совсѣмъ ничего не говоритъ о процессѣ образованіи въ насъ ощущеній и только называетъ его непостижимымъ».

Объ умственной дѣятельности авторъ выражается довольно странно. «Дѣятельность и разсудка и ума, говоритъ онъ, сама по себѣ (значить in se) такъ сказать полудуховна и полутѣлесна» (стр. 23). Что хотѣлъ сказать этимъ авторъ? Еще это выраженіе было бы понятно по отношенію къ ощущеніямъ; но о разсудкѣ и объ умѣ, да еще взятыхъ «сами по себѣ», значить, въ существѣ своемъ, независимо отъ того или другаго даннаго содержанія, сказать такъ нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній. Пусть ощущенія входятъ какъ матеріалы въ дѣятельность разсудка, но вѣдь и ощущеніи самъ авторъ признаетъ «сознаваемыми состояніями духа», которыя противоположны «количественнымъ раздраженіямъ нерва». Но уму подлежитъ область представленій и чистыхъ понятій, что въ нихъ есть тѣлеснаго? И на какомъ основаніи уму и разсудку приписывается какая-то полутѣлесность, — неизвѣстно. И что такое сама эта «полутѣлесность», какъ опредѣлить ее авторъ? Выраженія, подобныя приведенному, способны лишь сбивать неопытныхъ читателей съ толку; они свидѣтельствуютъ также, что самъ авторъ, компилируя свой трудъ, имѣлъ весьма неопредѣленные представленія психическихъ процессахъ.

Кромѣ ума и разсудка авторъ различаетъ разумъ, различіе между этими силами весьма неясно. Разумъ авторъ называетъ «высшимъ, чисто-духовнымъ проявленіемъ (sic) мыслительной и познавательной дѣятельности души» (стр. 23). Итакъ разумъ не есть сила души самостоятельная; она есть проявленіе низшихъ силъ ума

разсудка (мыслительной и познавательной дѣятельности), — какъ же совершилось это превращеніе низшихъ силъ въ высшее нѣчто? Какъ «полутѣлесность» стала «чистою духовностію»? Какъ относятся между собою всѣ эти силы? Наконецъ въ силу какихъ *основаній* авторъ вводитъ все тройственное дѣленіе силъ умственныхъ въ психологию? Все это авторъ оставляетъ не разъясненнымъ, ни на чемъ не основаннымъ. Здѣсь же авторъ *идею о Боги* называетъ «религиознымъ чувствомъ» — это вовсе не одно и то же, и если бы авторъ правильно и ясно опредѣлилъ самое слово *идея*, онъ никогда не назвалъ бы его *чувствомъ*. Дальше авторъ пишетъ, что «у дѣтей, къ концу 7-ми лѣтъ жизни (какая точность, на чемъ она основана? У всѣхъ ли дѣтей? Почему именно къ концу 7 лѣтъ?) мышленіе и познаніе *черезъ разсудокъ и умъ* все болѣе и явственнѣе проникается мышленіемъ *черезъ разумъ*». Вопервыхъ, что за странное выраженіе мышленіе *черезъ*! Затѣмъ ужели въ самомъ дѣлѣ умственная дѣятельность семилѣтняго ребенка проникается уже идеальными созерцаніями разума, — не рано ли? Идеалы авторъ опредѣляетъ такъ: это «воплощенія идей, въ совершенствѣ своемъ не вполнѣ доступныя», и неопредѣленно, и общо, и невѣрно. Нѣсколько далѣе (стр. 2.) авторъ, въ видѣ авторитета, приводитъ слова «одного нѣмецкаго педагога», имени котораго авторъ не называетъ, но, судя по словамъ, «одинъ педагогъ», хотя и нѣмецкій, имѣетъ на дѣло странный взглядъ, чтобы не сказать болѣе. Внѣшнія чувства, говоритъ онъ, составляютъ какъ бы *желудокъ* (sic) для духовной пищи, которая *превращается* въ питательный сокъ только съ помощію этихъ органовъ.» (*) Далѣе онъ же говоритъ

(*) По мнѣнію иностраннаго педагога, «болѣзни мозга и водянка» дѣтей происходятъ «отъ дурной, неестественной методы преподаванія».

• ТОМЪ, что иные-де педагоги «набиваютъ голову отвлеченными идеями, которыя впоследствии, такъ сказать (!) приходятъ въ мнѣніе и заражаютъ всю организацію мозга». Сравниенія довольно дикія, неумѣстныя, да и по существу своему совершенно невѣрныя, кому бы они ни принадлежали, и было бы лучше, если бы составитель руководства не вносилъ ихъ въ свой трудъ. Здѣсь нельзя не замѣтить, что общій выводъ, который дѣлается авторомъ относительно развитія умственныхъ силъ ребенка, не полонъ; именно, авторъ говоритъ, что «все приводитъ къ тому заключенію, что не слѣдуетъ нарушать естественныхъ законовъ психическаго развитія дитяти» (ibid.), но это выводъ только отрицательный. Не говори уже о томъ, что законовъ психическаго развитія личности дѣтскої авторъ собственно не показалъ, такъ что говоритъ онъ о нарушении неизвѣстнаго; было бы необходимо дать положительную точку опоры для воспитанія и обученія.

Въ ст. «Упражненіе мыслительной способности при посредствѣ нагляднаго обученія» встрѣчается мысль, съ которою нельзя согласиться. Авторъ пишетъ: «Если бы въ ребенкѣ незамѣтныхъ образъ (sic) для воспитателя возникли представленія о такихъ предметахъ (?) присутствіе которыхъ въ душѣ ребенка могло бы вредно отозваться на его развитіи и потому не желательно, — то воспитатель всегда можетъ парализовать вліяніе такихъ представленій на ребенка: для этого стоитъ только воспрепятствовать превращенію ихъ въ понятія, чѣмъ ослабится ихъ вліяніе на душу ребенка, и даже совершенно уничтожится» (стр. 25). Взглядъ на дѣло совершенно механическій. Впрочемъ, въ душевной жизни, по самому существу ея, ничто совершенно не уничтожается; вторыхъ, авторъ хозяйничаетъ въ душѣ ребенка совершенно произвольно; онъ говоритъ: «стоитъ только (лег-

кое дѣло!) воспрепятствовать превращенію, представляемъ въ понятіяхъ, какъ будто это возможно сдѣлать! Процессъ образования понятій, какъ и всякій логическій процессъ мысли, не есть въ существѣ своемъ дѣло нашего хотѣнія, даже въ насъ самихъ, а тѣмъ менѣе могутъ подлежать нашей волѣ подобные процессы, совершающіеся въ другихъ людяхъ. Еслибы возможно было съ такою свободою, какъ думаетъ авторъ, управлять образованіемъ понятій, остановкою ихъ развитія въ душѣ дитяти, тогда открылась бы новая эпоха въ чело-вѣческомъ воспитаніи — трудную и сложную задачу исправленія дѣтей можно было бы привести къ очень немногимъ, простымъ и не сложнымъ практическимъ *признакамъ* остановки и задержки образованія въ душѣ дитяти представлений, понятій и сужденій. Къ сожалѣнію, авторъ не указываетъ *средствъ* для осуществленія своего совѣта, въ исполнимости котораго онъ увѣренъ, ибо говоритъ, что учитель всегда можетъ... *стоитъ только* и пр.

Въ той же статьѣ, говоря о выборѣ матеріала для начального обученія, авторъ дѣлаетъ его безъ всякихъ основаній. *«Естественно все»*, говоритъ онъ, въ наглядной бесѣдѣ можно ознакомить ребенка съ тѣломъ и его органами, пищею, одеждою, домомъ и т. д. (стр. 26). Но на самомъ дѣлѣ выборъ матеріала сдѣланъ авторомъ, можно сказать, всего менѣе естественно. Авторъ прежде всего дѣлаетъ ребенка объектомъ его собственнаго самонаблюденія: это не естественно. Исторія и опытъ показываютъ, что въ естественномъ ходѣ умственаго развитія чело-вѣкъ дѣлаетъ предметомъ своихъ наблюденій прежде *міръ внѣшній*, его окружающій; (*) къ са-

(*) Это вѣрно не только по отношенію къ развитію отдельныхъ личностей, но и относительно развитія общечеловѣческаго сознанія. Такъ первое

монаблюденію человекъ обращается гораздо позднѣе, когда рефлектирующій умъ достаточно окрѣпнетъ и разовьется на объектахъ предметнаго міра, окружающихъ его внѣшнихъ явленій. Не естественно дѣлать ребенку себя первымъ предметомъ наблюденія и съ другой стороны, по существу дѣла. Начинать нужно всегда съ простѣйшаго, но организмъ человека вовсе не представляетъ простоты, о чемъ достаточно говоритъ одно уже понятіе «организмъ». То соображеніе, что тѣло наше всего *ближе* къ намъ, не можетъ имѣть равно никакого педагогическаго значенія: душа наша еще *ближе* къ намъ, она есть само мыслящее и наблюдающее я, но кто же рѣшится на этомъ основаніи сдѣлать первымъ предметомъ наблюденія дитяти явленія психической жизни? Наконецъ, исторически извѣстно, что, начиная съ Песталоцци, попытки сдѣлать первымъ предметомъ наблюденія дитяти его организмъ, оказались практически не состоятельными, почему нынѣ этотъ пріемъ въ педагогикѣ давно отвергнутъ. Странно въ современныхъ дидактическихъ руководствахъ повторять старые промахи. Обыкновенно теперь принято начинать наглядное обученіе съ классной комнаты и предметовъ въ ней находящихся, для чего есть достаточныя и разумныя основанія. Вообще все сказанное о наглядномъ обученіи въ «Очеркѣ» до того поверхностно, общо и непрактично, что нельзя не удивляться, почему авторъ не счелъ нужнымъ обратить на столь серьезный предметъ болѣе серьезное вниманіе. Ни плана обученія, ни выбора предметовъ, ни дидактическихъ основаній, ни руководящихъ правилъ для этого предмета въ книгѣ г. Рощина нѣтъ,

пробужденіе философствующаго ума въ Греціи, какъ извѣстно, совершилось въ Іонійской школѣ, задачи которой состояли въ рѣшеніи проблемъ внѣшней природы; обращеніе же философіи къ самосознанію совершилось гораздо позднѣе.

что нельзя не считать весьма виднымъ пробѣломъ въ книгѣ, назначаемой для руководства народныхъ учителей. Между прочимъ авторъ говоритъ, что «слѣдуетъ наблюдать не много за-разъ, но основательно», — положеніе это довольно извѣстно и его нерѣдко можно слышать, но слѣдовало бы объяснить его, указавъ мѣру основательности, или лучше — раскрывъ, въ чемъ состоитъ основательность обученія *элементарнаго*, такъ какъ есть еще основательность *научная*, специальная, которая въ начальной школѣ, конечно, мѣста имѣть не можетъ.

Говоря о развитіи памяти, авторъ опускаетъ существо дѣла и останавливается на внѣшней его сторонѣ. Онъ говоритъ, что лучше всего запоминаются предметы, которые а) даютъ душѣ *больше* впечатлѣній и б) чаще *повторяются*. Нѣтъ сомнѣнія, что количество впечатлѣній и повтореніе служатъ средствами запоминанія, но авторъ опускаетъ изъ виду весьма существенную сторону, одно изъ основныхъ условій вѣрнаго и прочнаго воспріятія и усвоенія памятью даннаго матеріала. Главное здѣсь не количество, а *качество*, или лучше *интенсивность* впечатлѣнія, нами воспринимаемаго, съ чѣмъ въ связи стоитъ а) конкретность или наглядность усвояемыхъ памятью предметовъ и явленій, и б) та степень напряженія нашего вниманія и интереса, съ которою совершается воспріятіе.

Въ гл. о воображеніи и фантазіи авторъ пишетъ, между прочимъ: «когда въ душѣ ребенка накопленъ уже значительный запасъ представленій, то въ немъ *пробуждается только* способность группировать отдѣльные представленія въ цѣлыя картины, болѣе или менѣе близко похожія на дѣйствительность — короче, пробуждается дѣятельность воображенія и фантазіи (стр. 29)». Это не такъ.

Авторъ, очевидно и безъ ясно и даже не вѣрно представляетъ дѣло. По его мнѣнію, воображеніе пробуждается тогда, когда накопленъ уже значительный запасъ представлений; но если бы авторъ вникъ въ процессъ образованія самихъ представлений, то не сказалъ бы этого. Представленія сами по себѣ вовсе не простые и первичныя факты духовной нашей жизни, но суть сложные и произвольныя явленія въ ней, результаты операций мышленія, въ которыхъ дѣятельнѣйшее участіе принимаетъ именно воображеніе, сметающее отдѣльно воспринятые различными чувствами ощущенія въ одинъ цѣльный образъ. Само по себѣ «представленіе» есть актъ *воображенія*, слѣдовательно, самое существованіе представлений предполагаетъ уже дѣятельность воображенія, а у г. Рощина послѣднее является только «ноль значительнаго запаса представлений». Но спрашивается, какъ могутъ образоваться безъ участія воображенія самыя представленія? Наконецъ, если представленіе есть умственный образъ предмета, то какъ его *представить*, не имѣя воображенія, т. е. именно силы представляющей? Имъ опроверженъ домыселъ г. Рощина, что онъ изъяснитъ это страннѣе представляется и послѣдующее разсужденіе автора о томъ же предметѣ. «Дѣятельность воображенія и фантазіи, нишего тонъ, возбуждается прежде всего подъ вліяніемъ окружающей природы и обстановки, слѣдовательно, при помощи внѣшнихъ чувствъ. Такъ напримѣръ, сырой песокъ представляетъ весьма богатый матеріалъ для разнообразной игры дѣтской фантазіи». Выходитъ (напримѣръ), что сырой песокъ возбуждаетъ дѣтскую фантазію. Это не такъ. Ребенокъ напротивъ пользуясь пескомъ, можетъ проявлять свою фантазію, но въ самомъ пескѣ элементовъ для сказаннаго возбужденія не много найдется.

Здѣсь же авторъ излагаетъ игры Фребеля, но изла

гаеть совершенно пассивно, тогда какъ эти игры имен-
но «по Фребелю» страдаютъ капитальными недостатками
и ни въ русской семьѣ, ни въ русской школѣ, безъ
радикальной переработки, примѣнены быть не могутъ.
Между прочимъ авторъ рекомѣндуеть и известное Фре-
бельское занятіе: выкалываніе иглой рисунковъ на бу-
магѣ. Объ этомъ упражненіи слѣдуетъ сказать, что оно
совершенно антипедагогично, антигигіенично, это вы-
калываніе не рисунка, а глазъ, одно изъ лучшихъ
средствъ пріобрѣсти близорукость и вообще ослабить
зрѣніе въ самомъ нѣжномъ возрастѣ, когда особенно
слѣдовало бы беречь глаза. Если вышиваніе вредно
отзывается даже на взрослыхъ, то что сказать объ
этомъ «выкалываніи» бумаги малютками, гдѣ они со
всѣмъ напряженіемъ должны слѣдить глазами за мелкими
отверстіями, изъ которыхъ должны составляться формы
рисунка? При этомъ ревнители Фребелевскихъ игръ
стараются довести выкалываніе до особаго искусства,
требуя, чтобы точки укола отъ крупныхъ были дово-
димы до мельчайшихъ, — это все должны дѣлать ма-
лютки, въ самую первую пору дѣтства! Со стороны
составителя педагогическаго руководства было бы весьма
желательно поболѣе самостоятельности въ столь важномъ
дѣлѣ, каковы образовательныя игры дѣтей — малютокъ.

Идея нравственнаго воспитанія также не вполне ясно
представляется авторомъ. Такъ авторъ говоритъ, что
цѣль нравственнаго воспитанія есть развитіе чувстви-
тельныхъ и желательныхъ силъ души» (стр. 37). Нрав-
ственное воспитаніе, въ связи съ религіознымъ, имѣетъ
иную цѣль, — именно образованіе добраго и постояннаго
настроенія въ человѣкѣ, которое выражается въ само-
обладаніи, въ силѣ воли дѣйствующей по принципамъ
христіанской нравственности, или что то же, образова-

2*

ніе нравственнаго характера въ человѣкѣ. Развитие же *чувствовательныхъ и желательныхъ силъ* служитъ лишь *средствомъ* къ достиженію цѣли главной.

Въ той же статьѣ авторъ опредѣляетъ, между прочимъ, страсть — какъ «состояніе сильной возбужденности какого либо чувства и желанія», — здѣсь авторъ, очевидно, смѣшиваетъ страсть съ психическими *аффектами*.

На стр. 38 авторъ пишетъ, что «для воспитанія въ дѣтяхъ любви и уваженія къ людямъ необходимо поставить дѣтей, на первыхъ же порахъ (т. е. малютокъ?), *въ тѣсныя и разнообразныя сношенія и взаимодѣйствія (?)* съ людьми, достойными любви и уваженія» Мысль весьма странная. «Люди достойные любви и уваженія» — это люди почтенные, послужившіе обществу, не только возрастные, но и пожилые. Авторъ совѣтуетъ поставить малютокъ въ этомъ людямъ *«въ тѣсныя и разнообразныя сношенія!»* И даже предполагаетъ установить какое то «взаимодѣйствіе» между ними! Авторъ не раскрываетъ плана и средствъ, какъ выполнить его совѣтъ, но его нельзя признать педагогическимъ. Дѣти должны жить прежде всего съ дѣтьми. Въ дѣтскомъ мірѣ достаточно заключается условій и средствъ «для воспитанія въ дѣтяхъ любви къ людямъ», нужно только правильно и съ тактомъ руководить и направлять этотъ міръ. Дѣти должны быть дѣтьми. Всею свое время: подрастутъ, станутъ взрослыми, тогда возможными явятся и «тѣсныя разнообразныя отношенія съ людьми почтенными» и «взаимодѣйствіе».

На стр. 44-й авторъ пишетъ: «Если съ мальчикомъ или дѣвочкой слишкомъ долго обращаться какъ съ незрѣлыми дѣтьми (да развѣ «мальчикъ» и «дѣвочка» могутъ быть зрѣлыми? Тогда они дѣлаются первый

юношей, а вторая — дѣвушкой), то они очень долго и останутся такими (?), да, кромѣ того, утратятъ чувство любви и уваженія къ своимъ воспитателямъ». Нег оворя уже о неправильности выраженія, мысль приведенная въ столь абсолютной формѣ, представляется парадоксальною. Изъ за того, что родители обращаются съ мальчиками и дѣвочками по дѣтски — нечего еще терять къ родителямъ любовь и уваженіе. Пусть даже такое обращеніе будетъ со взрослыми дѣтьми, и тогда для такой утраты нѣтъ основаній. Конечно, это будетъ педагогическая неумѣлость со стороны родителей; но если «дѣтское» обращеніе родителей съ дѣтьми — пусть взрослыми — проникнуто глубокою и истинною любовью, если оно все дышетъ лаской, основывается на полномъ довѣрїи къ дѣтьми, имѣетъ характеръ совершенно открытый и прямой (а таковы и должны быть отношенія родителей къ дѣтьми), ужели можно допустить, чтобы при этихъ условіяхъ дѣти потеряли къ родителямъ любовь и уваженіе за ихъ педагогическую неумѣлость? Приведенную мысль автору слѣдовало бы ограничить и дать ей совсѣмъ иную постановку.

Между прочимъ, въ числѣ наказаній авторъ рекомендуетъ «стояніе въ углу и изгнаніе изъ классной комнаты» (стр. 48), оба эти наказанія, чуждыя совершенно педагогическаго характера, а послѣднее, кромѣ того, вредное и въ учебномъ и въ дисциплинарномъ отношеніяхъ, въ школахъ не должны быть употребляемы. Вообще педагогическая часть труда г. Рошина представляется неудачной и наполненной многими промахами.

Отдѣлъ «дидактики» г. Рошина посвященъ обзорнѣю общихъ вопросовъ объ условіяхъ и организаціи обученія. Въ этомъ отдѣлѣ также не мало промаховъ.

На стр. 62 авторъ говоритъ «о задачѣ всякаго обученія» и полагаетъ ее «въ сообщеніи знаній и умѣній». Опредѣленіе это страдаетъ односторонностью, такъ какъ авторъ совершенно упускаетъ изъ виду сторону обученія *воспитательную*.

Въ опредѣленіи объема и содержанія курса начальной школы или — что тоже — въ выборѣ предметовъ обученія въ ней, авторъ не руководится никакими соображеніями и основаніями. Онъ просто говоритъ, что содержаніемъ такихъ курсовъ «признаются обыкновенно (!) слѣдующіе предметы» (стр. 62) и дѣлаетъ ихъ перечисленіе. Такимъ образомъ авторъ слѣдуетъ «обыкновенію», но не всякое же обыкновеніе разумно. Выборъ предметовъ для учебнаго курса начальной школы не долженъ быть ни случайнымъ, ни произвольнымъ, но долженъ утверждаться на разумныхъ и ясно сознанныхъ основаніяхъ.

Здѣсь же встрѣчается такое выраженіе: «методъ изучающаго науку служитъ *его собственнымъ* интересамъ», — вѣрнѣе было бы сказать «интересамъ науки», почему научный методъ и называется *объективнымъ*, въ противоположность субъективизму метода педагогическаго.

На той же 63 стр. авторъ говоритъ «о разложеніи (анализѣ и сложеніи (синтезѣ), иначе называемыхъ (?) *индукціей* и *дедукціей*». И такъ, по мнѣнію автора, анализъ и индукція, синтезъ и дедукція — одно и тоже, разныя названія тѣхъ же предметовъ, но это совершенно не вѣрно.

Въ числѣ задачъ метода авторъ указываетъ цѣль — «сообщить уму учащагося — логическій порядокъ мышленія» (стр. 64), — слѣдовало бы сказать — *развить* спо-

способность логическаго мышленія; сообщать же можно только знанія.

При изложеніи анализа и синтеза у автора замѣчается смѣшанность понятій о томъ и о другомъ. Въ приводимомъ имъ примѣрѣ о преподаваніи географіи авторъ чисто *синтетическій* способъ — перехода отъ окружающихъ дитя предметовъ и явленій, отъ родины къ изученію отечества и далѣе всей земли — обезразличиваетъ, въ методическомъ отношеніи, со способомъ *аналитическимъ*, который беретъ за исходную точку для обученія цѣлое представленіе (глобусъ) о земномъ шарѣ и постепенно переходитъ къ изученію его частей и подробностей. Авторъ, очевидно, увлекся тѣмъ, что и въ томъ и въ другомъ случаѣ приходится *разсматривать* предметы (въ первомъ случаѣ ближайшіе предметы, обыденные, во второмъ — цѣлый глобусъ), но онъ упустилъ изъ виду, что это «разсматриваніе» составляетъ здѣсь не методъ, а *пріемъ* обученія; послѣдній касается частныхъ дѣйствій и практики обученія, методъ определяетъ существо и направленіе процесса его съ одной стороны, съ другой — систему расположенія всего учебнаго предмета. Далѣе (стр. 66) авторъ отождествляетъ съ синтезомъ и *генетическій* методъ, для чего также нѣтъ основаній. «Изучая», говоритъ онъ, различныя ступени развитія особи, начиная напр. съ зерна и условій его роста и оканчивая цѣлымъ деревомъ и его плодами (,) изучающіе дѣлаютъ *синтезы*. Въ воспроизведеніи цѣлаго ряда подобныхъ синтезовъ заключается сущность такъ называемаго генетическаго метода» (стр. 6) Эти разсужденія автора едва ли могутъ быть признаны не только яснымъ, но и вѣрнымъ изложеніемъ дѣла. Генетическій методъ представляетъ предметъ въ его происхожденіи и развитіи, это несомнѣнно; но чтобы въ приведенномъ выше примѣрѣ былъ синтезъ, чтобы

«совокупность синтезовъ» представляла существо генетическаго метода, это значитъ смѣшивать совершенно различныя вещи.

Здѣсь же авторъ, говоря объ исторіи, полагаетъ, что она «представляетъ *самый трудный* учебный предметъ въ народной школѣ», ибо «она есть результатъ весьма многихъ, и разнородныхъ физическихъ фактовъ-явленій, вступавшихъ въ самыя разнообразныя и трудно-доступныя для наглядности сочетанія. Въ ней отражается все (?) человечество съ его отношеніями къ Богу, къ самому себѣ и природѣ» и пр., (стр. 67). Объ этомъ разсужденіи слѣдуетъ замѣтить, во первыхъ, что оно высокопарно, фразисто и для народныхъ учителей недоступно; а во вторыхъ, совсѣмъ неумѣстно въ статьѣ о методахъ; при томъ же оно является плодомъ недоразумѣнія. Все связанное выше объ исторіи относится къ ней, какъ къ *науке*; но въ курсѣ народной школы исторія въ смыслѣ науки совсѣмъ и входить не можетъ, она здѣсь возможна только какъ *предметъ обученія* и притомъ въ смыслѣ элементарномъ. Далѣе и самъ авторъ приходитъ къ тому же выводу, но при этомъ дѣлаетъ новый промахъ. Именно, онъ говоритъ, что «*дѣйствительное* знаніе исторіи не доступно отроческому возрасту, почему нужно сдѣлать преподаваніе ея «*элементарнымъ*». Такимъ образомъ элементарному противоплагается дѣйствительное, чего допустить нельзя.

Вообще вся глава «о методахъ общихъ» написана сбивчиво, неясно, языкомъ не точнымъ и едвали можетъ принести пользу для народныхъ учителей.

Тѣми же недостатками страдаетъ и слѣдующая глава (12-я) «о частныхъ методахъ обученія». Видно, что авторъ недостаточно выяснилъ себѣ предметъ. Такъ

онъ говоритъ, что «на общихъ методахъ обученія, аналитическомъ и синтетическомъ, основаны частные методы или (?) дидактическіе» (стр. 68); затѣмъ насчитываетъ четыре послѣднихъ метода: *деиктическій*, *акроаматическій*, *катехитическій* и *эвристическій*. Но совершенно не видно, какъ именно относятся къ анализу и синтезу эти методы? Почему ихъ четыре, ни болѣе, ни меньше? Какое основаніе принято для ихъ вывода и раздѣленія? Что составляетъ отличительныя ихъ черты по существу? и т. д. При этомъ авторъ вводитъ, въ видѣ поясненій, весьма необычныя термины: *показывательный*, *надоумительный*, *наводительный*.

Изъ дальнѣйшаго изложенія видно, что авторъ недостаточно выяснилъ себѣ и существо «деиктическихъ» методовъ, ибо онъ ихъ смѣшиваетъ съ *приемами* обученія, что вовсе не одно и то же. Такъ «деиктическій методъ» состоитъ въ томъ, что учитель *показываетъ* предметъ ученику, уже ли *показываніе* предмета составляетъ методъ? Это просто *пріемъ* нагляднаго обученія. Да и самъ авторъ дальше «методъ» этотъ называетъ «*пріемомъ*», очевидно, не разумѣя различія обоихъ терминовъ. «Къ показывательному *пріему* (sic) обученія, говоритъ онъ ниже, можно отнести и прогулки учителя съ учениками» (стр. 69). Итакъ, «прогулки» тоже составляютъ «деиктическій» *методъ* и послѣдній уже называется *пріемомъ*!

Но далѣе авторъ сливаетъ *акроаматическій* методъ съ деиктическимъ. «Показываніе и примѣрныя дѣйствія, или (sic) деиктическій способъ, говоритъ онъ, не могутъ не сопровождаться объясненіями, разговоромъ, истолкованіемъ или словеснымъ изложеніемъ самаго учителя; этотъ методъ называется тогда *акроаматическимъ*» (стр. 70). Итакъ, *акроаматическій* методъ есть деиктическій,

но съ присовокупленіемъ объясненій, рассказовъ и проч. со стороны учителя. Авторъ, очевидно, слишкомъ по своему смотритъ на дѣло. Самое изложеніе акроаматическаго метода сдѣлано крайне поверхностно и вообще, ему авторъ посвящаетъ всего *девять строкъ*, а между тѣмъ онъ заслуживалъ бы болѣе дѣльнаго изложенія.

Переходя къ изложенію катехитическаго метода, авторъ говоритъ, что «вслѣдствіе дѣтской живости и неусидчивости», для разнообразія, является третій методъ *катехитическій*, который онъ называетъ также и *сократическимъ*. Такимъ образомъ методъ катехеза является здѣсь въ силу чисто-внѣшнихъ причинъ, тогда какъ въ началѣ авторъ указывалъ на происхожденіе его изъ анализа и синтеза. Нельзя не замѣтить также, что катехитическій методъ и сократическій вовсе не одно и то же, послѣдній по существу своему есть чисто эвристическій. Извѣстно, что Сократъ, путемъ вопросовъ, имѣлъ цѣль навести слушателя своего и собесѣдника на самостоятельное открытіе истины, почему Сократъ и называлъ себя лишь воспріемникомъ мыслей своихъ слушателей, «бабкою» ихъ, какъ онъ выражался образно. Психическій образъ этого метода изложенъ Платономъ въ извѣстномъ «Менонѣ», гдѣ Сократъ доводитъ, съ помощію вопросовъ, совершенно невѣжественнаго раба до рѣшенія геометрической задачи, именно путемъ эвристическимъ, посредствомъ наводящихъ вопросовъ. Но г. Рошинъ сливаетъ этотъ методъ съ катехитическимъ. Впрочемъ онъ дальше называетъ послѣдній методъ и эвристическимъ или, какъ онъ выражается, «изобрѣтательнымъ» (!), такъ что хотя авторъ сначала различалъ *четыре* дидактическихъ метода, но далѣе все они до того перемѣшались и перепутались, что и два изъ нихъ выдѣлать трудно. Подобнаго рода сбивчивое изложеніе столь важнаго вопроса о методахъ нельзя не

признать важным недостатком труда г. Рощина. Слѣдуетъ замѣтить при этомъ, что во всей статьѣ нѣтъ ни плана, ни порядка; статья посвящена дидактическимъ методамъ, но здѣсь же говорится и о болтливости учителя (стр. 73), и о задачахъ, о спрашиваніи и прослушиваніи уроковъ; при чемъ не дано ни одного образца, какъ примѣнять на дѣлѣ тотъ или другой методъ. Едва ли что-нибудь практически-полезное вынесутъ изъ этой главы народные учителя.

Отмѣтимъ здѣсь еще два мѣста, которыя вызываютъ возраженіе. На стр. 69-й, говоря о наглядномъ обученіи, авторъ пишетъ, что «задача преподавателя состоитъ при этомъ въ умѣннѣи обратитъ вниманіе учениковъ на *самыя существенныя стороны предмета, представляющія наибольше трудности*, но не пропустить при этомъ и *второстепеннаго*», — съ этимъ трудно согласиться. Если бы вопросъ шелъ о научномъ изслѣдованіи предмета, иное дѣло; но въ наглядномъ обученіи имѣется въ виду цѣль не научная а педагогическая. Искать при этомъ «наиболѣе трудностей», разсматривая предметъ во всемъ его объемѣ, не только «съ самыхъ существенныхъ сторонъ», но и «второстепенныхъ», — далеко не всегда здѣсь возможно, удобно и желательно.

На стр. 74-й говорится: «Хорошо вѣзывается въ памяти то, что хотя случайно, но ежедневно попадаетъ на глаза; по этому полезно развѣшиваніе въ классахъ на стѣнахъ картинъ, картъ, таблицъ и пр.» Мысль эту принять можно лишь съ ограниченіемъ. Известно, что Лойкъ училъ грамотѣ «играя», по кубикамъ; но желая сохранить свѣжесть и интересъ игры этой, онъ положительно совѣтуетъ прятать кубики такъ, чтобы ребенокъ не могъ достать ихъ во всякое время, потому что, говоритъ онъ, обыкновенно дѣти скоро охлаждаются

къ тѣмъ предметамъ, которые у нихъ всегда бываютъ предъ глазами». Тоже бываетъ и съ картинами. Постоянно имѣя предъ глазами, заглядывая на нихъ мимоходомъ, дѣти до того свыкаются съ ними, что теряютъ къ нимъ интересъ. Тогда какъ картина вновь принесенная возбуждаетъ ихъ мысль, приковываетъ къ себѣ ихъ вниманіе, пробуждаетъ желаніе узнать, что на картинѣ нарисовано. Вотъ почему нужно съ ограниченіемъ принимать высказанную выше мысль. Картины и карты можно развѣшивать въ классѣ, если первая назначены для пріученія глаза дѣтей къ изящной обстановкѣ, а вторыя — для справокъ; но если картины предназначаются для систематическаго обученія, то лучше до времени ихъ разсмотрѣнія не развѣшивать, дабы сохранить всю свѣжесть впечатлѣнія ихъ новизны и интересъ ихъ содержанія. Послѣ же, когда картины будутъ разсмотрѣны, можно будетъ развѣсить ихъ и въ классѣ, — ибо они сдѣлали уже свое дѣло и бывъ обстоятельно разсмотрѣны раньше, будутъ служить для дѣтей напомниманіемъ того, что они узнали при внимательномъ разсмотрѣніи изображенныхъ на картинахъ предметовъ.

Глава «о ходѣ преподаванія» написана довольно практично, къ ней приложены примѣрные росписанія уроковъ; но «концентрической ходъ преподаванія» изложенъ сбивчиво и недостаточно выясненъ. Ссылка при этомъ на трудъ г. Овсянникова «учебникъ исторіи всеобщей» сдѣлана неизвѣстно зачѣмъ и для чего, такъ какъ всеобщая исторія въ народныхъ школахъ не преподается. Концентраціи обученія посвящено всего 10 строкъ (на стр. 79), понятно, что не многое возможно было здѣсь выяснить. Затѣмъ авторъ переходитъ къ «концентраціи силъ учащихся» и также излагаетъ ее общо и неудовлетворительно, не указывая даже ея педагогическихъ основаній.

Между прочимъ, говоря объ условіяхъ успѣшнаго преподаванія, авторъ пишетъ, что оно будетъ идти успѣшно, если формы и приемы преподаванія «будутъ оживлены такъ-называемымъ (!) духомъ преподаванія» (стр. 80). Но «духъ преподаванія» не одинаковъ и не каждый «духъ» способенъ содѣйствовать успѣху обученія. «Духъ преподаванія» можетъ быть и отрицательнымъ, слѣдовательно вреднымъ для успѣховъ обученія и такого духа слѣдуетъ остерегаться.

Въ главѣ о дисциплинѣ авторъ говоритъ, что «при домашнемъ обученіи задача наставника — воспитателя значительно упрощается» и что «обязанность учителя въ общественныхъ училищахъ гораздо сложнее и труднее» (стр. 82). Это нельзя безусловно утверждать. Не всегда семейная жизнь содѣйствуетъ правильному воспитанію; а домашнее обученіе, особенно одиночное, имѣетъ много и не рѣдко весьма важныхъ невыгодъ. Общество сверстниковъ для дѣтей представляетъ ту естественную среду, гдѣ должны развиваться ихъ дѣтскія склонности, подаваться задачи будущаго ихъ характера. Совокупный трудъ въ обученіи вызываетъ соревнованіе со стороны учащихся, въ массѣ дѣти лучше приучаются къ порядку, къ дисциплинѣ; при правильномъ руководствѣ, школа развиваетъ и направляетъ въ дѣтяхъ духъ общественности и взаимопомощи. Нечего и говорить, что въ отношеніи средствъ и силъ обученія съ школой общественной могутъ равняться лишь не многія и только особенно достаточныя семейства. Если прибавить сюда трудности регулировать домашнія занятія ребенка, устранить всѣ антидисциплинарныя навыки и семейные обычаи (посѣщеніе гостей, несвоевременность сна, пищи, отдыха и т. под.), которые нерѣдко стоятъ въ антагонизмъ съ требованіями правильнаго воспитанія, то окажется, что обученіе въ общественныхъ училищахъ

обставлено едва ли не болѣе благоприятными условіями, въ учебно-воспитательномъ отношеніи, нежели обученіе домашнее.

Говоря о дисциплинѣ, авторъ между прочимъ указываетъ на нѣкоторыхъ педагоговъ, которые будтобы «не видятъ никакой надобности въ дисциплинарныхъ мѣрахъ для поддержанія въ классѣ надлежащаго порядка» (стр. 83); но изъ приводимыхъ авторомъ примѣровъ видно, что онъ не понялъ мѣрнѣи указываемыхъ имъ педагоговъ. Такъ онъ пишетъ: По мѣрнѣию, напр., Дистервега хорошее преподаваніе само способно оказывать на поведеніе дѣтей такое же вліяніе, какое можетъ оказывать на нихъ дисциплина: «кто хорошо умѣетъ учить, говоритъ Дистервегъ, тотъ хорошо можетъ вести и дисциплину» (стр. 83). Здѣсь, очевидно, вовсе нѣтъ ни отрицанія мѣрнѣи дисциплинарныхъ, ни самой дисциплины, говорится только, что учитель, который *хорошо*, т. е. вполне педагогически умѣетъ учить, можетъ хорошо управлять классомъ, отсюда до отрицанія дисциплинарныхъ мѣрнѣи далеко; напротивъ, здѣсь именно и указывается на хорошее обученіе, какъ *одно* изъ дисциплинарныхъ *средствъ*. Тоже непониманіе авторъ обнаруживаетъ и по отношенію въ Ушинскому. «Нашъ же лучшій педагогъ Б. Д. Ушинскій, говоритъ авторъ, идетъ *еще дальше* (sic), утверждая, что «въ разумно-устроенной школѣ наказаній за лѣность быть не можетъ, потому, что уроки выучиваются въ классѣ; наказаній за шалости также нѣтъ, потому что дѣти заняты и шалить имъ некогда». Ушинскій здѣсь вовсе не идетъ дальше Дистервега, а скорѣе лишь развиваетъ его мысль, именно выясняя, въ чемъ состоитъ «хорошее обученіе», и въ чемъ состоитъ его дисциплинирующее вліяніе. Такъ что заключеніе автора: едва ли облегчается достиженіе идеала школы при *полномъ от-*

сущности мѣръ дисциплинарныхъ, сдерживающихъ» совершенно не можетъ быть отнесено къ приведеннымъ выше авторамъ, которые и не думали отвергать дисциплинарныя мѣры въ школахъ; но только признавали одною изъ сильнѣйшихъ таковыхъ мѣръ само обученіе, но хорошее, воспитывающее въ добромъ смыслѣ и направленіи. И едва ли кто изъ людей, знающихъ дѣло практически, рѣшится отвергать, что при отличномъ умѣньи держать классъ — шалостямъ въ классѣ нѣтъ мѣста; что при умѣньи учителя «выучивать уроки» съ дѣтьми въ классѣ устраняются наказанія за лѣность, ибо послѣдняя предупреждается и дѣлается какъ бы невозможной. Вообще нельзя сказать, чтобы авторъ раскрылъ ученіе о дисциплинѣ достаточно, ясно, полно, и основательно; такъ о воспитательномъ вліяніи дисциплины на учащихся, особенно на образованіе ихъ характера, ничего не сказано въ книгѣ г. Роцина, а эти пункты составляютъ существо вопроса о дисциплинѣ. Авторъ болѣе останавливается на внѣшней ея сторонѣ, нежели на внутреннихъ ея основаніяхъ. Въ этой же главѣ, въ подстрочномъ примѣчаніи (стр. 85), авторъ говоритъ о *школьной гигиенѣ*, какъ бы мимоходомъ; но предметъ этотъ заслуживалъ бы если не особой главы, то во всякомъ случаѣ болѣе обстоятельнаго изложенія.

(Окончаніе въ слѣд. №).

НЕОФФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Общія свѣдѣнія изъ Географіи Математической, Физической и Политической (*).

Какою кажется намъ земля?

Земля, на открытой мѣстности, намъ кажется, обыкновенно, круглою плоскостію.

Что такое горизонтъ?

Горизонтъ есть видимое нами кругомъ себя пространство, по краямъ котораго, повидимому, небо сходится съ землею.

Какой дѣйствительный видъ имѣетъ земля?

Земля имѣетъ дѣйствительный видъ шара, сжатаго въ верхней и нижней оконечности.

Чѣмъ доказывается шарообразность земли?

Шарообразность земли доказывается 1) явленіями при восходѣ и заходѣ солнца. При восходѣ, солнце не вдругъ освѣщаетъ цѣлыя высокіе предметы, а прежде — верхнія части, потомъ же нижнія; при заходѣ, также верхнія части предметовъ освѣщаются солнцемъ долѣе, чѣмъ низшія. Вообще, вездѣ, на ровномъ мѣстѣ, при подходѣ къ какому нибудь высокому предмету, мы не съ разу весь его видимъ, а сперва его вершину, потомъ середину, наконецъ его основаніе, а при удаленіи отъ него, сперва скроется отъ насъ его основаніе, затѣмъ его середина, наконецъ уже верхъ. Въ первомъ случаѣ мы постепенно восходимъ на выпуклость земли, которая закрывала отъ насъ предметъ, во второмъ случаѣ мы постепенно спускаемся по другую сторону той выпуклости, которая закрываетъ предметъ. Далѣе шарообразность земли доказывается всегдашнею круглотою горизонта: въ какомъ бы открытомъ мѣстѣ земной поверхности наблюдатель ни находился, ему всегда кажется, что онъ стоитъ въ центрѣ горизонта. Наконецъ шарообразность

(*) Опытъ уроковъ по Географіи соотвѣтственно вновь изданной программѣ.

земли доказывается кругосветными путешествіями. Мореплаватели, плывущіе на корабль все по одному направленію, ни поворачиваясь назадъ, приплываютъ опять на прежнее время, только съ противоположной стороны; слѣдовательно объѣзжаютъ вокругъ земли, а это возможно только при шарообразности земли ¹⁾.

Какой примѣръ можетъ объяснить обманчивыя явленія неподвижности земли и движенія свѣтилъ небесныхъ?

Явленія неподвижности земли и движенія свѣтилъ небесныхъ можетъ объяснить слѣдующій примѣръ: когда мы быстро вдемъ въ экипажъ, то намъ кажется, что не мы двигаемся, а все, что находится по бокамъ дороги, движется въ противоположную сторону. Или — если пустить волчокъ такъ, чтобы онъ вращался какъ можно скорѣе, то будетъ казаться нѣкоторое время, что онъ какъ бы стоитъ на своемъ острѣ неподвижно, тогда какъ онъ на самомъ дѣлѣ движется съ чрезвычайною скоростью.

Сколько движеній имѣетъ земной шаръ, въ какую сторону они происходятъ и какъ они называются?

Земной шаръ имѣетъ двойное движеніе, съ запада на востокъ: — вращательное вокругъ своей оси, поступательное — вокругъ солнца.

Что называется земною осью?

Земною осью называется прямая линія, мысленно проводимая чрезъ средину земнаго шара.

Что такое полюсы?

Полюсы суть оконечности или крайнія точки земной оси.

Какъ полюсы различаются?

Полюсы различаются верхній и нижній: верхній называется сѣвернымъ, а нижній — южнымъ.

Сколько главныхъ точекъ горизонта, какъ онѣ называются и гдѣ находятся?

¹⁾ Измѣняютъ ли горы шаровидную фигуру земли?

Горы также измѣняютъ шаровидную фигуру земли, какъ песчинки не измѣняютъ шаровидность мячика.

Главныхъ точекъ горизонта четыре; называются онѣ сторонами горизонта—востокомъ, западомъ, сѣверомъ и югомъ; стокъ находится на томъ мѣстѣ горизонта, гдѣ солнце восходитъ, западъ—въ томъ мѣстѣ, гдѣ солнце заходитъ, сѣверъ гдѣ солнце никогда не показывается, югъ—гдѣ солнце бываетъ въ полдень. Кромѣ этихъ главныхъ точекъ отличаютъ на горизонтѣ и второстепенныя. Онѣ находятся между главными, такъ сѣверовостокъ—между сѣверомъ и востокомъ, юговостокъ—между югомъ и востокомъ, югозападъ—между югомъ и западомъ, наконецъ, сѣверозападъ—между сѣверомъ и западомъ.

Во сколько времени совершается движеніе земли около и что происходитъ на земной поверхности отъ этого движенія?

Движеніе земли около оси совершается въ 23 часа и 56 минутъ; отъ этого движенія происходятъ сутки, т. е. день и ночь.

Что называется параллельными кругами?

Параллельными кругами называются круги, кои мысленно проводятся на поверхности земнаго шара по всѣмъ своимъ полюсамъ въ равномъ разстояніи отъ экватора. Чѣмъ ближе къ полюсамъ, тѣмъ параллельные круги меньше. Всѣхъ параллельныхъ круговъ 180.

Что называется экваторомъ?

Экваторомъ называется самый большой параллельный кругъ мысленно проводимый по поверхности земнаго шара, на равномъ разстояніи отъ обоихъ полюсовъ.

Что такое полушарія—сѣверное и южное?

Полушарія суть половины, на которыя экваторъ дѣлитъ земной шаръ: верхняя половина называется сѣвернымъ полушаріемъ, нижняя—южнымъ.

Что называется меридіанами?

Меридіанами называются круги, проводимые чрезъ экваторъ, въ прямомъ направленіи отъ сѣвернаго полюса къ южному. Если солнце проходитъ чрезъ какой нибудь меридіанъ, всѣ мѣста этого меридіана будутъ имѣть полдень.

Что называется полушаріями—восточнымъ и западнымъ?

Полушаріемъ восточнымъ называется половина шара земнаго, лежащая на право отъ перваго меридіана, западнымъ—на лѣво.

Что называется орбитою?

Орбитою называется продолговатый кругъ, по которому земля движется около солнца.

Какое положеніе имѣетъ земная ось при движеніи земли около солнца?

При движеніи земли около солнца земная ось имѣетъ слѣдующее положеніе: 1) она постоянно наклонена къ плоскости орбиты и 2) сохраняетъ неизмѣнное направленіе въ одну и ту же сторону.

Что происходитъ отъ извѣстнаго положенія земной оси, при движеніи земли вокругъ солнца?

Отъ извѣстнаго положенія земной оси, при движеніи земли вокругъ солнца, происходитъ то, что солнце попеременно освѣщаетъ и согрѣваетъ болѣе то сѣверное, то южное полушаріе, отсюда то въ сѣверномъ полушаріи бываютъ большіе и теплые дни, то въ южномъ, именно: когда въ сѣверномъ полушаріи лѣто, въ южномъ—зима, и наоборотъ; переходъ же отъ лѣта къ зимѣ составляетъ осень, переходъ отъ зимы къ лѣту—весна.

Во сколько дней совершается движеніе земли около солнца?

Движеніе земли около солнца совершается съ небольшимъ въ 365 дней.

Какіе самые замѣчательные дни?

Самые замѣчательные дни 9-го марта, 10-го іюня, 10-го сентября и 10-го декабря.

Какъ бываетъ освѣщенъ земной шаръ въ дни 9-го марта и 10-го сентября.

Въ дни 9-го марта и 10-го сентября сѣверное и южное полушарія получаютъ одинаковое количество свѣта: вездѣ день бываетъ равенъ ночи. Дни 9-го марта и 10-го сентября называются днями равноденствія.

Какія времена года и въ какомъ полушаріи въ дни 9-го марта и 10-го сентября начинаются?

Въ день 9-го марта въ сѣверномъ полушаріи начинается весна, а въ южномъ—осень; въ день 10-го сентября въ сѣверномъ полушаріи начинается осень, въ южномъ же—весна.

Какъ освѣщается и нагрѣвается земной шаръ 10-го іюня? (Куда падаютъ вертикальные лучи солнца и съ чѣмъ совпа-

даеть предѣлъ освѣщенія)?

10 го іюня земной шаръ освѣщается и нагрѣвается такъ: вертикальные лучи солнца преимущественно падаютъ на сѣверное полушаріе, такъ что освѣщается весь полярный кругъ, на южнѣ же полушаріи солнечные лучи падаютъ болѣе или менѣе косвенно, такъ что до южнаго полюса вовсе не достигаютъ.

Въ какомъ полушаріи бываютъ 10 го іюня самыя длинныя дни и самыя короткія ночи?

10-го іюня самыя длинныя дни и короткія ночи бываютъ въ сѣверномъ полушаріи, въ сѣверныхъ полярныхъ странахъ солнце не заходитъ нѣсколько дней сряду, а на самомъ полюсѣ наступаетъ полугодовой день и вмѣстѣ лѣто.

Какія времена года и въ какомъ полушаріи 10 го іюня начинаются?

10 го іюня въ сѣверномъ полушаріи начинается лѣто, а въ южномъ — зима.

Какъ освѣщается и согрѣвается земной шаръ 10 го декабря? (Куда падаютъ вертикальные лучи солнца и съ чѣмъ совпадаетъ предѣлъ освѣщенія?)

Земной шаръ освѣщается и согрѣвается 10-го декабря такъ: вертикальные лучи солнца падаютъ на южное полушаріе, на сѣверномъ же полушаріи солнечные лучи падаютъ болѣе или менѣе косвенно, такъ что до сѣвернаго полюса вовсе не достаютъ.

Въ какомъ полушаріи 10 го декабря бываютъ самыя длинныя дни и самыя короткія ночи?

10-го декабря самыя длинныя дни и короткія ночи бываютъ въ южномъ полушаріи.

Какія времена года и въ какомъ полушаріи 10-го декабря начинаются?

10-го декабря въ сѣверномъ полушаріи начинается зима, а въ южномъ — лѣто.

Что такое полярные круги?

Полярные круги суть параллельныя линіи мысленно проводимыя на земной поверхности, по обѣ стороны на $66\frac{1}{2}$ градусовъ отъ экватора; такимъ образомъ полярныхъ круговъ два: въ верхнемъ полушаріи — сѣверный полярный кругъ, въ нижнемъ — южный полярный кругъ.

немъ южный полярный кругъ.

Что такое тропики?

Тропики суть параллельные круги, проведенные по обѣимъ сторонамъ экватора на разстояніи $23\frac{1}{2}$ градусовъ отъ него: тропикъ сѣвернаго полушарія называется тропикомъ Рава, тропикъ южнаго полушарія называется тропикомъ Козерога.

Что называется земными поясами?

Земными поясами называются пять различныхъ, по освѣщенію и нагреванію, полосъ, на которыя раздѣляется земная поверхность. Эти пояса суть: два холодныхъ, два умѣренныхъ и одинъ жаркій.

Что такое поясъ холодный?

Поясъ холодный — пространство отъ полюсовъ до полярныхъ круговъ: здѣсь солнце полгода совсѣмъ не показывается, въ другое же полугодіе, хотя во все время солнце не сходитъ съ неба, но, в лѣтствіе визкаго его стоянія, бываетъ также холодно (Оба холодные пояса заключаютъ 767,000 кв. мил.).

Что такое умѣренный поясъ?

Поясъ умѣренный — пространство между полярнымъ кругомъ и тропиками. На всемъ этомъ пространствѣ чередуются болѣе или менѣе правильно времена года, равно день и ночь. (Оба умѣренные пояса заключаютъ 4.770,000 кв. м.).

Что такое жаркій поясъ?

Поясъ жаркій — пространство между обоими тропиками: въ мѣстахъ около экватора солнце въ п. день бываетъ надъ самою головою, потому тамъ оно грѣетъ сильнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ (заключаетъ 3.800,000 кв. м.).

Что такое географическій градусъ?

Географическій градусъ есть положеніе мѣста, опредѣляемое разстояніемъ его отъ перваго меридіана и отъ экватора къ сѣверу или къ югу.

Какой меридіанъ принято считать первымъ?

Первымъ принято считать меридіанъ, проводимый чрезъ островъ Ферро.

Что такое земной глобусъ?

Глобусъ есть, сдѣланный изъ чего нибудь, шаръ возможно вѣрно изображающій земной шаръ.

Что называется плоскошаріями?

Плоскошаріями называются два, рядом расположенные, круга, изображающіе на плоскости одинъ правый—восточное полушаріе, другой лѣвый—западное полушаріе.

Что такое градусная сѣть?

Градусная сѣть есть [сѣть градусовъ, воображаемыхъ на поверхности земнаго шара, которая проводится на поверхности глобуса или плоскошарій.

Какая градусная сѣть изображаемая?

Градусная сѣть изображаемая есть болѣе или менѣе не полная градусная сѣть, которую обыкновенно изображаютъ соответственно объему глобуса, или плоскошарій.

Какая градусная сѣть воображаемая?

Воображаемая градусная сѣть есть сѣть, представляемая на глобусѣ или плоскостяхъ со всѣми градусами, на какіе дѣлится поверхность земнаго шара, т. е. съ 180 ю параллелями на каждомъ полушаріи и 360-ю меридіанами на обоихъ.

Для чего служить изображаемая градусная сѣть?

Изображаемая градусная сѣть служить для возможно удобнаго изображенія поверхности земнаго шара.

Для чего служить воображаемая градусная сѣть?

Воображаемая градусная сѣть служить для возможно вѣрнаго представленія всѣхъ мѣстъ на чертежѣ въ такомъ относительномъ положеніи, какъ они находятся въ природѣ.

Что называется долготою мѣста?

Долготою мѣста называется разстояніе отъ 1-го меридіана на востокъ или на западъ, обозначаемое числомъ градусовъ. Всѣхъ градусовъ долготы 360: на восточномъ полушаріи отъ 1-го до 180-го градусовъ, на западномъ—отъ 180-го до 360-го градуса.

Что называется широтою мѣста?

Широтою мѣста называется разстояніе мѣста отъ экватора къ сѣверу или къ югу, обозначаемое числомъ градусовъ. Всѣхъ градусовъ широты—180: 90 на сѣверномъ полушаріи и 90 на южномъ, и счетъ имъ ведется отъ экватора отдѣльно, поэтому, при опредѣленіи широты мѣста, во избѣжаніе сбивчивости, прибавляютъ выраженія: сѣверной или южной широты.

Какъ изображается счетъ градусамъ?

Счетъ градусамъ изображается такъ: счетъ градусамъ долготы на глобусѣ обозначается обыкновенно на кольцо, означающемъ экваторъ, на плоскошаріяхъ же у полюсовъ и у экватора; счетъ же градусамъ широты на глобусѣ обозначается на кольцо, называемомъ меридіаномъ, а на плоскошаріяхъ — съ боковъ противъ параллельныхъ линіяхъ.

Что такое ландкарта?

Ландкарта есть изображеніе части земной поверхности на плоскости.

Р. С. Принято какъ на глобусѣ, такъ на плоскошаріяхъ и ландкартахъ, считать верхъ сѣверомъ, низъ — югомъ, правую сторону — востокомъ, лѣвую — западомъ, — всѣ линіи, идущія сверху внизъ — меридіанами, а линіи идущія поперекъ отъ востока къ западу или обратно — параллелями.

Какъ велико пространство поверхности земнаго шара?

Пространство поверхности земли равняется 455,112,000 квадратнымъ верстамъ.

Что такое солнце?

Солнце есть ближайшая къ землѣ неподвижная звѣзда, освѣщающая и согрѣвающая землю.

Какъ велико солнце въ сравненіи съ землею?

Солнце въ полтора милліона разъ болѣе земли.

Какъ далеко солнце отстоитъ отъ земли?

Солнце отстоитъ отъ земли на 150 милліоновъ верстъ.

Что такое звѣзды?

Звѣзды суть такія небесныя тѣла, которыя, подобно солнцу, свѣтятъ своимъ собственнымъ свѣтомъ: онѣ отстоятъ отъ земли не сравненно далѣе, чѣмъ солнце, почему и кажутся намъ меньше солнца.

Что такое планеты?

Планеты суть темныя небесныя тѣла, которыя получаютъ отъ солнца свѣтъ и теплоту.

Почему планетамъ дано такое названіе?

Названіе планетамъ дано отъ греческаго слова, планетесь — блуждающія.

Чѣмъ планеты походятъ на звѣзды и чѣмъ отличаются?

Планеты походятъ на звѣзды тѣмъ, что, подобно послѣднимъ, кажутся простому глазу свѣтящимися точками; различаются же отъ звѣздъ свойствомъ свѣта: звѣзды остаются всегда въ одинаковомъ между собою разстояніи и издають мерцающій свѣтъ, т. е. сверкающій въ глазахъ; планеты же постоянно движутся около солнца и издають свѣтъ ровный спокойный ¹⁾

Какъ велики планеты?

По величинѣ однѣ планеты болѣе земли, другія менѣе.

Какой планеты имѣютъ видъ?

Планеты имѣютъ видъ шара, какъ земля.

Какое движеніе имѣютъ планеты?

Планеты совершаютъ по круглой орбитѣ двойное движеніе — около своей оси и около солнца: на обходъ солнца и на обращеніе около своей оси однѣ планеты употребляютъ болѣе времени, чѣмъ наша земля, другія — менѣе. Вообще планеты движутся съ запада на востокъ, что называется прямымъ движеніемъ, то, послѣ нѣкоторой остановки, возвращаются назадъ — на западъ, что называется возвратнымъ движеніемъ.

Что такое луна?

Луна естѣ ближайшая къ землѣ планета, получающая свѣтъ отъ солнца.

Какъ велика луна, сравнительно съ землей?

Луна менѣе земли въ 50 разъ.

Въ какомъ направленіи движется луна и сколько времени употребляетъ на полное обращеніе вокругъ земли?

Луна движется вокругъ земли отъ запада къ востоку и употребляетъ 28 дней на полное обращеніе вокругъ нея, въ то же время луна движется, вмѣстѣ съ землею, вокругъ солнца.

Какъ называется луна, по отношенію къ землѣ?

Луна называется, по отношенію къ землѣ, спутникомъ ея.

Изъ чего состоитъ земной шаръ?

Земной шаръ состоитъ изъ внутренности и коры.

¹⁾ Болѣе прочая известна планета — Венера: она появляется или вечеромъ, почему и называется вечернею звѣздою, или утромъ, тогда называется утреннею звѣздою.

Изъ чего состоитъ внутренность земнаго шара?

Внутренность земнаго шара состоитъ изъ жидкихъ веществъ, расплавленныхъ сильнымъ жаромъ.

Что заставило людей предположить, что внутри земнаго шара сильный жаръ?

Слѣдующія явленія заставили людей предполагать, что внутри земнаго шара сильный жаръ: 1) горячіе ключи, бьющіе изъ земли въ странахъ холодныхъ, 2) огнедышущія горы, 3) наконецъ наблюденія, что чѣмъ глубже роютъ, тѣмъ теплѣе и теплѣе.

Что называется корою земною?

Земною корою называется твердый верхній слой земнаго шара.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О ПРОДОЛЖЕНІИ

ИЗДАНІЯ

ВОРОНЕЖСКИХЪ

ЕПАРХІАЛЬНЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ

въ 1875 году.

Въ 1875 г. Воронежскія Епархіальныя Вѣдомости будутъ издаваться, по примѣру прежнихъ лѣтъ, въ предѣлахъ программы, утвержденной Св. Синодомъ. Вѣдомости выходятъ два раза въ мѣсяцъ — 1 и 15 чиселъ.

Вѣдомости будутъ состоять, какъ и прежде, изъ двухъ отдѣловъ — официального и неофициального, и прибавленій къ нимъ.

Цѣна одному экземпляру Воронежскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей *четыре рубля*, а съ пересылкою или доставкою на домъ *пять рублей*; въ томъ числѣ почтѣ 60 копѣекъ; за бандероль, упаковку и др. расходы 40 коп.

(8) Требования на Воронежскія Епархіальныя Вѣдомости вмѣстѣ съ деньгами за оныя слѣдуетъ адресовать: «Въ г. Воронежъ, въ редакцію Епархіальныхъ Вѣдомостей, при семинаріи». При этихъ требованіяхъ, особенно въ первый разъ, должно четко и обстоятельно прописывать почтовую контору, въ которую слѣдуетъ высылать Вѣдомости, а также званіе, имя, фамилію и мѣсто жительства получателя.

Редакція Воронежскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей покорнѣйше проситъ Редакціи всѣхъ газетъ и журналовъ, съ которыми она доселѣ мѣнялась изданіями, продолжить обмѣнъ и перепечатать въ своихъ изданіяхъ настоящее объявленіе.

ПРИБАВЛЕНІЯ
КЪ ВОРОНЕЖСКИМЪ
ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВЪДОМОСТЯМЪ.

№ 2.

15-го Января

1875 года.

Содержаніе.—О печерскомъ патерикѣ и объ отношеніи его къ греческимъ патерикамъ (окончаніе).—Лице Іисуса Христа—чудо въ исторіи.—Дѣятельность Британскаго библейскаго общества въ Россіи.—Извѣстія.—О произношеніи четвертаго возгласа на великой вечерни.—Объявленіе.

О ПЕЧЕРСКОМЪ ПАТЕРИКѢ И ОБЪ ОТНОШЕНІИ ЕГО КЪ ГРЕЧЕСКИМЪ ПАТЕРИКАМЪ.

(Окончаніе).

III.

Теперь же, прежде чѣмъ дѣлать снесеніе Патерика Печерскаго съ его византійскими образцами и источниками, мы должны сказать нѣсколько словъ о самыхъ этихъ источникахъ, ихъ числѣ, времени ихъ появленія и объ авторахъ ихъ. Всѣ эти свѣденія мы беремъ изъ недавно изданной докторской диссертациі г. Казанскаго: «Исторія православнаго монашества на востокѣ».

Монашество, какъ явленіе дотолѣ до 4-го вѣка—небывалое, —какъ новый, совершеннѣйшій родъ христіанской жизни, естественно обратило на себя вниманіе всѣхъ; и вотъ явилось желаніе ближе ознакомиться съ этимъ достохвальнымъ житіемъ для подражанія-ли то, или и для другой какой-нибудь цѣли, явилась потребность въ письменныхъ памятникахъ, запечатлѣвшихъ жизнь великихъ подвижниковъ Египта. Первымъ удовлетворителемъ этой всеобщей потребности тогдашняго христіанскаго міра былъ Аванасій, архіепископъ александрійскій, описавшій жизнь Великаго Антонія—основателя иночества. Его примѣру послѣдовали другіе; и изъ этихъ то отрывочныхъ первоначально свѣдѣній составилась впоследствии великій Лимонарь, обнимающій жизнь отцевъ, начиная съ Антонія и до половины 5-го вѣка.

Въ полномъ составѣ своемъ этотъ Лимонарь не дошелъ до насъ, но въ двухъ извлеченіяхъ носящихъ заглавія *Αυθρων ἁγίων βιβλος*—Фотія и *Αποφθέγματα τῶν ἁγίων ἱερόντων*. Оба переведены на русскій языкъ.

Кромѣ того описаніемъ монашеской жизни въ Египтѣ занимались также и приходившіе изъ другихъ странъ знакомиться съ нею. Таковы въ IV-мъ вѣкѣ были: Руфинъ, Палладій, Кассіанъ и Іеронимъ.

Первый изъ нихъ, уроженецъ италійскій, изъ окрестностей Аквидей, написалъ «*Historiam monachorum*».

Далѣе идетъ Патерикъ, именуемый Лавсанкомъ Палладія, епископа Еленопольскаго. Но разсмотрѣвъ всѣ противорѣчія, въ немъ находящіяся, нельзя согласиться съ тѣмъ, чтобы онъ дѣйствительно принадлежалъ этому писателю, а скорѣе можно придти къ слѣдующему заключенію: Лавсо, правитель Каппадокійскій и потомъ придворный постельничій, любилъ собирать книги и обращался для этого къ разнымъ лицамъ. Его особенно интересовала жизнь египетскихъ иноковъ и объ нихъ онъ собиралъ сказанія отъ лицъ, знакомыхъ лично съ подвижниками Египетскими. Изъ такихъ различныхъ сказаній и составлена самимъ Лавсомъ, или же другимъ лицомъ особая книга, получившая названіе Лавсанка отъ имени собирателя ея. Написана она въ 421-мъ году.

Кассіанъ былъ инокомъ Виѳлеемскаго монастыря, въ которомъ онъ подружился съ Германомъ. Черезъ 2 года, по принятіи обѣтовъ иночества, Кассіанъ и Германъ выпросили себѣ позволеніе отъ старцевъ Виѳлеемскаго монастыря на 7-мъ лѣтъ отправиться въ Египетъ, чтобы, изучивъ тамъ образъ жизни и правила египетскаго общежитія, передать ихъ Виѳлеемскому монастырю. Обойдя пустыни Египетскія и исполняя данное обѣщаніе, они возвратились въ Виѳлеемъ, чтобы испросить себѣ позволеніе снова удалиться въ скитскую пустыню. Получивъ его, Кассіанъ отправился

въ скитскую пустыню; но неизвѣстно, долго-ли пробылъ онъ тутъ. Вѣроятно смуты, произведенныя преслѣзованіемъ коригенистовъ, которое открылъ Теофиль противъ инокъ скитскихъ, заставили Кассіана, вмѣстѣ съ другими пустынниками, отправиться въ Константинополь подъ защиту Юанна Златоустаго, которымъ онъ и былъ въ 400-мъ году посвященъ въ діакона. Въ 405-мъ году Кассіанъ былъ отправленъ отъ Константинопольскаго клира, вмѣстѣ съ Германомъ, уже пресвитеромъ, въ Римъ искать защиты Златоустому. Неизвѣстно, возвращался-ли на востокъ Кассіанъ, или прямо изъ Рима переселился въ Марсель, гдѣ основалъ два монастыря: одинъ — мужской, другой — женскій, по правиламъ восточныхъ обителей. Вотъ для этихъ то обителей онъ и написалъ свои сочиненія о постановленіяхъ кивовій палестинскихъ и Египетскихъ, а также и собесѣдованія.

Вотъ тѣ сочиненія, которыя служили образцами и источниками для авторовъ нашего Печерскаго Патерика, источниками, изъ которыхъ они, желая прославить какого-либо отечественнаго святаго, брали все къ этому случаю подходящее. А что это было на самомъ дѣлѣ такъ, подтвержденіемъ тому служатъ не только сходство нашего Патерика съ Греческими въ общемъ духѣ, не только та множественность искушеній и обиліе демонскихъ явленій, которыя составляютъ преобладающій въ нихъ элементъ; но также и прямая, какъ мы уже замѣтили, указанія самихъ авторовъ Печерскаго Патерика на подобныя же событія, описанныя въ Патерикахъ Греческихъ, такъ, напр., рассказавъ о чудѣ, бывшемъ въ Печерскомъ монастырѣ и видѣнномъ однимъ проѣзжавшимъ въ то время мимо монастыря Кіевляниномъ, именно о явленіи столпа огненнаго, назнаменовавшаго новую лаврскую церковь, авторъ прибавляетъ: «тоже, яко же видѣ, исповѣда единому отъ бр тии въ монастыри блаженнаго, т. е. Θεοδοσία, иже истина сушь». И какъ бы въ подтвержденіе этой истинности продолжаетъ: и се же паки подобно рещи, еже яко пишется тако о святѣмъ, велицѣмъ Саввѣ, Себо въ едину ноць, тако же тому шедшу изъ келья своя молящюся, и показася тому столпъ огневъ до небеси сушь, таже потомъ, яко дошедъ мѣста того и обрѣте въ немъ пещеру и ту тако въ мало дни створи монастырь славенъ»²⁶⁾. Увѣщавал Поликарпа смирить въ себѣ духъ превозношенія, сварливости иронести, Сумонъ говорить: «ты же, брате, не днесъ похваляя лежащихъ на трапезѣ и утро на варящаго и служащаго брата ропъщещи, и симъ старшинѣ пакость твориши, и обрящещися мо-

26) По Арсеньев. рукоп. житіе препод. Θεοδοσία стр. 128 и дал.

тылу ядый, яко же въ отечниці (Патериці) написано»²⁷⁾ «И
 аще бы се мало было, не бы онъ старецъ, ижъ въ Патериці мо-
 лился Богови, да придуть нашъ разбойници и вся его возьмутъ.
 Услышанъ же бывъ, и придоша нашъ разбойници и вся сущая
 въ руцѣ ихъ предасть»²⁸⁾. Очевидно отсюда, что авторы Патери-
 ка нашего пользовались тѣми источниками, на которые указываютъ.
 Этимъ дѣло, однако же, далеко не ограничивалось; заимствованія
 ихъ изъ этихъ источниковъ были гораздо обширнѣе, хотя они и
 умалчиваютъ объ этомъ. Но это выдаетъ сходство многихъ мѣстъ
 нашего Печерскаго Патерика съ мѣстами Греческихъ Патериковъ,
 сходство не только отдаленное, но и почти, въ нѣкоторыхъ мѣ-
 стахъ, буквальное. Возьмемъ, напр., — житіе препод. Θεодосіа.
 Извѣстенъ рассказъ о томъ, какъ Θεодосій, возвращаясь ночью
 отъ велик. князя Изяслава въ свой монастырь, самъ долженъ былъ
 править и сидѣть на конѣ въ то время, какъ возница его покойно
 отдыхалъ въ повозкѣ. Приведемъ самый рассказъ²⁹⁾. Се въ единъ
 день шедшу великому Θεодосію нѣкоего ради орудья къ христо-
 любцу Изяславу, далече ему сушу отъ града. Таче яко пришедъ
 и до вечера ему бывшу, орудія ради. И повелъ христороубецъ нощ-
 наго ради поспанья ему, на возѣ допроводити до монастыря его.
 И яко бысть идыи путемъ и возай его, видѣ въ такой одежѣ суща,
 мнѣвъ, яко единъ отъ убогихъ есть, глагола ему: Чернорисче! се
 ты по вся дни празденъ еси; азъ же труденъ сый, се не могу
 ѣхати, но сице азъ лягу на возѣ, ты же моги на конѣ ѣхати. То-
 же блаженный съ всякимъ смиреньемъ въ ставъ, сѣдъ на конѣ, а
 оному легшию на возѣ, идаше путемъ, радуясь и слава Бога и
 т. д.³⁰⁾. Подобный же случай рассказываетъ и въ синайскомъ
 Патерикѣ объ архіепископѣ града Θεополиса Θεодотѣ. «Онъ, т. е.
 Θεодотъ, говорится въ этомъ Патерикѣ, такъ былъ кротокъ и сми-
 ренномудръ, что нѣкогда во время пути съ клирикомъ, когда си-
 дѣлъ онъ въ качалкѣ, а клирикъ на ослѣ, сказалъ клирику: раз-
 дѣлимъ путь и станемъ мѣняться мѣстами. Клирикъ несоглашался
 этого сдѣлать; это безчестіе, говорилъ онъ, для патріарха, если
 клирикъ залѣзетъ въ качалку, а патріархъ будетъ сидѣть на ослѣ.
 Чудный жо Θεодотъ не отставалъ и, наконецъ, заставилъ клири-
 ка повѣрить, что это не будетъ безчестно, принудилъ сдѣлать по

27) Тамъ же стр. 167 и дал.

28) Тамъ же стр. 219.

29) Нужно замѣтить, что мы и впредь будемъ приводить буквальныя
 слова Патериковъ, считая это болѣе удобнымъ; такъ какъ читатель самъ въ
 такомъ случаѣ будетъ видѣть въ чемъ тутъ сходство.

30) Арсеньев. рукоп. стр. 408.

своему» ³¹⁾. Здѣсь, какъ видите, въ обоихъ случаяхъ превозносятся кротость и смиренномудріе мужей—угодишковъ!

Беремъ другой случай изъ жизни тогоже преподобнаго отца Θεодосія. Въ нашемъ Печерскомъ Патерикѣ разсказывается о немъ слѣдующее: «накы же нѣколи въ единъ отъ днѣи къ сему же блаженному отцю нашему Θεодосію приде старецъ пекущимъ, глаголя, яко муки неимаю на испеченіе хлѣбомъ братіи. Глагола тому блаженный: иди, соглядай житницу; еда како мало муки обрящеша въ ней, дондеже накы Богъ попечеться нами. Онъ же вѣдаше се, яко помель бѣ сусѣкъ, въ единъ уголь мало отрубъ, яко строи, или счетверы пригоръши, тѣмъ же глаголаше: истину ти вѣщаю, отче, яко азъ самъ пометоухъ мѣсто и нѣсть въ немъ ничто же, развѣе отрубъ мало въ углѣ едномъ. Глагола тому отецъ: вѣруй ми, чадо, яко мощень есть Богъ отъ тѣхъ малыхъ отрубей наполнить намъ сусѣкъ тѣ муки, иже яко же при Іліи створи вдовици; но и умноживъ отъ единыхъ пригоръцъ муки множество, яко же препитатись ей съ чады своими гладное время, дондеже гобино быс въ людехъ. Се бо нынѣ тоже есть, и мощень тако же отъ мала многа створити; но иди, смотри, еда благословенъе будеть на мѣстѣ. Тоже слышавъ нѣ, отиде; и яко вниде въ храмъ тѣ, иже первѣе тощъ и молитвами преподобнаго отца нашего Θεодосія полнъ сушь муки, яко же пресыпатись ей чрезъ стѣну на землю» ³²⁾. Буквально сходный случай читаемъ опять въ томъ же синайскомъ Патерикѣ. «Авва Кирилъ, говорится тамъ, ученикъ аввы Іуліана столпника, разсказывалъ слѣдующее: я, отецъ мой и братъ, слыша о жизни аввы Іуліана, пошли изъ страны своей. Я, говоритъ онъ, имѣлъ неизлечимую болѣзнь, которой никакой лекаръ немогъ вылечить. Когда же я пришелъ, старецъ, помолвившись, тотчасъ вылечилъ. И потому мы трое остались у старца и отреклись міра. Отца моего онъ приставилъ къ житницѣ. Въ одинъ день приходитъ отецъ мой и говоритъ аввѣ Іуліану: у насъ хлѣба нѣтъ. Старецъ отвѣчалъ: поиди, братъ, и что найдешь, смѣли, а на завтрашній день Богъ попечеться о насъ. Онъ же смутившись симъ словомъ (ибо зналъ, что ничего небыло въ житницѣ) удалился въ свою келью. Когда настала крайняя нужда, старецъ послалъ сказать отцу моему, чтобы онъ тотчасъ пришелъ къ нему. Лишь вошелъ отецъ мой, старецъ говоритъ ему: братъ Кононъ! поиди и что найдешь, употреби въ пользу братіи. Онъ же, какъ бы въ гнѣвѣ, взявъ ключъ, пошелъ, думая принести одной

31) Лимонарь стр. 29, гл. 33.

32) Арсеньев. рукоп. 125. См. также стр. 122-ю о чудесномъ наполненіи бочки медомъ для угощенія пришедшаго въ монастырь князя.

ныли. Отперши, хотѣлъ отворить двери, но немогъ, потому что житница полна была хлѣба»³³⁾. Извѣстенъ также и тотъ случай изъ жизни препод. Θεодосія, что онъ нехотѣлъ видѣться съ своею матерью, пришедшею въ Кіевъ изъ Курска и долго искавшею его съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы увести его опять домой, что она уже не разъ дѣлала, и только, уступая увѣщаніямъ и совѣтамъ преп. Антонія, согласился исполнить ея желаніе или, лучше сказать, требованіе видѣться съ нею. Приводимъ подлинникомъ разсказъ: «Пришедши въ городъ, мать преп. Θεодосія обходила вся монастыри, ищущи его; послѣди же повѣдаша ей, яко въ пещерѣ есть у препод. Антонія; она же тамо иде, да обрящетъ. И се начатъ старца лестью вызывати, глаголющи: яко дарцѣте преподобному, да изидеть, се бо много путь гнавши, придохъ хотяще бесѣдовать къ тебѣ, поклонитися святыни твоей, да благословенна буду отъ тебе. И възвѣщено быс старцю о ней, и изиде къ ней, и его же видѣвше, поклонися ему, тацѣ сѣдшима има, начатъ жена къ сему простирати бесѣду многу, послѣди объяви вину, ея же ради приде, глаголаше же: молю тис, отче, повѣжь ми, гдѣ есть сынъ мой? Много бо си жалу, его ради, невѣдущи, аще живъ есть. Старець же, сы простъ умомъ и неразумѣвъ лести ея, глагола ей, яко сдѣ есть сынъ твой, и нежали си его ради, се бо живъ есть. Тоже она къ нему: то, что, отче, еже не вижю его. Много бо путь сшествоваше, придохъ всий градъ, токможе давижю сына своего, да тако възвращюся въ градъ свой. Старець же къ ней: то аще хощеша видѣти, да идеши нынѣ въ домъ, и азъ шедъ, увѣщаю; не бо рачитъ видѣти кого, ти и въ утрии день пришедши, видиши. Тоже слышавше она отиде, чаючи впридущи день видѣти и. Преподобны же Антонь, вшедши въ пещеру, възвѣсти вся си блаженному Θεодосію, иже слышавъ, жали си зѣло, яко не може угаити ся. Въ другій же день приде пакы жена; старецъ же много увѣщеваше блаженаго изити и видѣти мать свою. Онъ же не въ схотѣ изити и. Тогда же старецъ и шедъ, глагола ей, яко много молих, да изидетъ къ тебѣ и перачи. Она же къ тому уже не смиреньемъ нача глаголати старцю, но с гнѣвомъ великимъ вопіаше: о нужде старца сего, яко имы сына моего и скры въ пещерѣ; перачить ми его явити. Изведи ми, старче, сына моего, да вижю и; не терплю бо жива быти, аще не вижю его. Явиши сына моего, да не злѣ умру, се бо сама ся погублю предъ дверми пещеры сей, аще да непокажеша ми его. Тогда Антонь, въ скорби велицѣ сы, вшедъ въ пещеру, моляше блаженаго изити

33) Лимонарь гл. 28, стр. 24.

дѣ ей. Онъ же, не хотя послушати старца, изиде къ ней»³⁴⁾. Далѣе разсказывается, что она убѣждала его возвратиться съ нею домой, но не убѣдила, и результатомъ ихъ бесѣды было постриженіе ея въ монахини одного изъ кievскихъ монастырей.

Много подобныхъ же случаевъ встрѣчается и въ Патерикахъ Греческихъ. Такъ въ Лавсанкѣ разсказывается о Піорѣ, нехотѣвшемъ видѣться съ своею сестрою и потомъ видѣвшимся съ нею съ зажмуренными глазами. Дѣло было такимъ образомъ: «Піоръ въ юныхъ лѣтахъ отрекся міра, удалился изъ дома отеческаго и, отъ избытка духовной любви, долѣе обѣтъ Богу не видѣть болѣе никого изъ родныхъ. Спустя 50 лѣтъ, сестра его узнала отъ кого-то, что братъ ея живъ, и рѣшилась во что бы то ни стало увидѣть его. Неимѣя возможности идти въ пустыню, она просила мѣстнаго епископа написать къ пустыникамъ, чтобы они послали Піора для свиданія съ нею. Послѣ многого принужденія послушаться отцевъ, онъ рѣшился идти, взявъ съ собою еще одного, и долѣе знать д му сестры, что пришелъ братъ ея Піоръ и стоитъ за дверьми. Угадывая по скрипу двери, что сестра идетъ встрѣтить его, Піоръ зажмурилъ глаза и грѣмко говорилъ ей: сестра, это я, и Піоръ братъ твой, вотъ смотри на меня, сколько хочешь. Получивъ желаемое, она прославила Бога, и, хотя много настаивала, однакожь неубѣдила его войти въ домъ».³⁵⁾

Другой случай. Въ достопамятныхъ сказаніяхъ о подвижничествѣ разсказывается объ аввѣ Арсеніѣ, что «иногда, во время пребыванія его въ Капонтѣ, одна весьма богатая и богобоязненная дѣвица, изъ сенаторскаго рода, пришла изъ Рима видѣть его. Архiepископъ Феофилъ прилъ ея. Она просила Архiepископа убѣдить старца, чтобы онъ принялъ ея. Архiepископъ пошелъ къ аввѣ Арсенію и просилъ его, говоря: такая то дѣвица, сенаторскаго рода пришла изъ Рима и желаетъ видѣть тебя. Но старецъ не согласился выйдти»³⁶⁾.

Въ житіи Силуана разсказывается уже вовсе схожій случай объ ученикѣ его Маркѣ, отличавшемся, какъ и препод. Феодосій, послушаніемъ. Въ разсказѣ этомъ говорится, что однажды къ нему въ скитъ пришла мать его, чтобы видѣть его. Пришла она съ большою пышностію. Къ ней вышелъ старецъ (Силуанъ). Она сказала ему: авва! вели сыну моему выдти ко мнѣ; я хочу посмотрѣть на него. Старецъ взошелъ въ келью и сказалъ Марку:

34) Арсеньев. рукоп. стр. 47 и дал.

35) Лавсанкѣ гл. 74, стр. 226.

36) Достопамятн. сказанія о подвижничествѣ стр. 18

пойди, мать твоя хочет видѣть тебя. Маркъ носилъ одежду сшитую изъ разныхъ доскутковъ и весь былъ измазанъ сажемъ. Онъ вышелъ, изъ послушанія старцу, закрылъ глаза свои и сказалъ: здравствуйте, здравствуйте, здравствуйте! и невидаль никого, мать также не узнала его. Она въ другой разъ посылаетъ просить старца: авва, пошла ко мнѣ сына моего, я хочу видѣть его. Старецъ сказалъ Марку: или я не говорилъ тебѣ: поиди, пусть посмотритъ тебя мать твоя? Маркъ отвѣчалъ ему: я выхожу по приказанію своему, авва, но теперь прошу тебя, не посылай меня въ другой разъ, чтобы мнѣ не ослушаться тебя... и т. д.³⁷⁾

Разсказывается также и что подобное попусту препод. Θεодосія объ аввѣ Пимѣ и его братьяхъ, именно: и они, какъ они, нехотѣли видѣть своей матери³⁸⁾.

Сходства, такимъ образомъ, какъ видите, очень много, но довольно объ этомъ, посмотримъ, есть ли сходства и въ другихъ чертахъ жизни и характера препод. Θεодосія Печерскаго съ жизнью и характеромъ подвижниковъ восточныхъ?

О препод. Θεодосіѣ Печерскомъ разсказывается, напр, что «нѣкогда привелша къ нему разбойники связаны, ихъ же обшарили въ единомъ селѣ монастырскомъ, хотяща красти. Блаженный же видѣвъ я связанныхъ, въ такой скорби суца, съжалиси зѣло, прослѣзиси, и повелѣ разрѣшити я, и дати имъ ясти и пити; и тако паки тѣхъ учаще много, еже никого же преобидѣти, и никому же зла створити, и подасть же тѣмъ отъ имѣнья довольное еже на потребу»³⁹⁾.

Въ достопамятныхъ сказаніяхъ о подвижничествѣ подобный же случай читаемъ объ аввѣ Спиридонѣ, впоследствии бывшемъ епископѣ Тримифунтскомъ. «Однажды въ полночь воры тайно подошли къ овчарнѣ, чтобы украсть овецъ. Но Богъ, хранящій пастыря, сохранилъ и овецъ. Воры невидимою силою были связаны у овчарни. На разсвѣтъ пришелъ къ овцамъ пастырь и, увидѣвъ воровъ съ связанными назадъ руками, узналъ о случившемся. Сотворивъ молитву, Спиридонъ развязываетъ воровъ. Потомъ долго убѣждалъ и увѣщевалъ ихъ, чтобы старались жить лучшими честными трудами, чѣмъ веревствомъ, и, подаривъ имъ одну овцу, отпустилъ ихъ, сказавъ съ любовію, чтобы не подумали, что въ даромъ стерегли овчарню»⁴⁰⁾.

37) Тамъ же стр. 166.

38) Тамъ же стр. 204.

39) Арсеньев. рукоп. стр. 113.

40) Достой. сказ. о подвижн. стр. 267.

Кромѣ этого, есть еще и другія схолия черты въ характерѣ жизни препод. Θεодосія и отцевъ восточныхъ. Извѣстно, напр, что препод. Θεодосій, по воспріятіи, послѣ Варлаама, игуменства, имѣлъ великую любовь ко ввѣренной ему братіи и попеченіе о ней; извѣстно также, что пищу его составляли хлѣбъ и вода и, иногда только овощи; онъ имѣлъ власть изгонять духовъ нечистыхъ ⁴¹⁾. Подобныя же черты находимъ и въ жизни Ора ⁴²⁾. И этотъ послѣдній также, какъ и препод. Θεодосій, питался кореньями, отличался особою распорядительностію и попеченіемъ о ввѣренной его смотрѣнію братіи.

Въ Патерикѣ нашемъ разсказывается еще о препод. Θεодосіи ⁴³⁾, что онъ «не бо николиже на ребрехъ своихъ ляжетъ, но аще хотящу ему опочинути, но сѣд на столѣ, и тако мало проспавъ, встаняше пакы на пощенное цѣнье».

Въ Лимонарѣ ⁴⁴⁾ разсказывается объ одномъ старцѣ въ Θεодосіевскомъ монастырѣ, что онъ никогда не спадъ на боку. А въ житіи Дорофея ⁴⁵⁾ говорится, что этотъ святой мужъ «никогда не ложился спать, а только развѣ во время работы или за столомъ смыкалъ на нѣсколько минутъ глаза».

Небудемъ говорить о многихъ другихъ мелкихъ чертахъ сходства въ жизни препод. Θεодосія Печерскаго съ жизнію восточныхъ отцевъ, какъ, напр. о явленіи ангеловъ въ образѣ того или другаго лица и пр. упомянемъ только о слѣдующихъ двухъ. Извѣстно, что монашеское общежитіе зиждется, главнымъ образомъ, на безусловномъ подчиненіи и непрекословномъ послушаніи братіи ею же самою избранному игумену. Преподобный же Θεодосій, какъ извѣстно, былъ ревностнымъ хранителемъ цѣлости правилъ иноческаго житія. И вотъ по этому поводу въ Печерскомъ монастырѣ въ его игуменство былъ такой случай. Отправляясь однажды, въ день св. великомученика Димитрія, въ монастырь его, препод. Θεодосій велѣлъ келарю принесенные въ это время «не от кыхъ хлѣбы зѣло чисты предложить на ядь и оставшейся тутъ братіи. Но тотъ ослушался повелѣнія преподобнаго и вмѣсто ихъ предложилъ монастырскій хлѣбъ. На другой же день, когда сѣли за столъ и хлѣбы были изрѣзаны, препод. Θεодосій узналъ ихъ и, подозвавъ келаря и давъ ему наставленіе не заботиться о завтрашнемъ днѣ, а дѣлать

41) Арсеньев. рукоп. стр. 64, 72 и дал.

42) Лавсанкъ гл. 9 стр. 29.

43) Арсеньев. рукоп. стр. 71.

44) Гл. 23, стр. 20.

45) Лавсанкъ гл. 2, стр. 10.

46) См. Арсеньев. рукоп. стр. 115.

бы по повелѣнію его (Теодосія), приказалъ «единому отъ братіи
собрати въ кошъ укрупыты, и несъши, посреди рѣкы, высыпати»⁴⁷⁾.

Другой разъ⁴⁸⁾ мука, изъ которой должно было бы испечь,
по повелѣнію Теодосія, хлѣбы и которую, на этотъ разъ, келарь
скрылъ, сказавъ, что нѣтъ муки, была осквернена жабою, когда
изъ ней чрезъ два дня хотѣли испечь хлѣбы.

Въ Лимонарь⁴⁹⁾ разсказывается также о неисполненіи об-
чая раздавать бѣднымъ въ чистый четвертокъ пшеницы, которая
за преслушаніе поросла.

Перейдемъ теперь къ житіямъ другихъ угодниковъ Печерскихъ
и посмотримъ: нѣтъ ли и тутъ сходныхъ чертъ съ подвижниками
востока. Трудъ вашъ и тутъ не останется втуне; сходства и здѣсь
немало также и сходства при томъ почти буквального.

Каждому, я думаю, извѣстенъ случай съ препод. Исакіемъ,
Печерскимъ затворникомъ. Въ затворѣ къ нему явилось безчислен-
ное множество бѣсовъ въ образѣ ангеловъ и въ числѣ ихъ глав-
ный даже въ образѣ самаго Спасителя. Пришедшіе требовали отъ
препод. Исакія поклоненія Спасителю; и лишь только онъ испол-
нилъ это ихъ требованіе, они со смѣхомъ схватываютъ его и на-
чинаютъ вмѣстѣ съ нимъ бѣсовскую пляску.

Точно тоже самое разсказывается и въ Лавсанкѣ Паллади-
о Валентѣ⁴⁹⁾. «Былъ нѣкто Валентъ, говорится тамъ, родомъ изъ
Палестины, по духу гордый, какъ коринѳянинъ. Этотъ Валентъ
долго жилъ съ нами въ пустынѣ. Много изнурялъ онъ плоть свою
и по жизни былъ великимъ подвижникомъ, но потомъ оболщен-
ный духомъ самовнѣнія и гордости, впалъ въ крайнее высокомеріе,
такъ что сдѣлался игралищемъ бѣсовъ. Надмившись пагубной
страстію самовнѣнія, онъ сталъ мечтать наконецъ въ самооболь-
щеніи, что съ нимъ бесѣдуютъ ангелы и при всякомъ дѣлѣ слу-
жить ему. И вотъ, однажды, въ глубокой вечеръ, когда уже былъ
темно, онъ плелъ корзины и уронилъ шило на полъ. Долго онъ
не находилъ его какъ вдругъ, по навожденію бѣсовскому, явился
въ кельѣ зажженный свѣтильникъ; съ нимъ нашелъ онъ потеря-
нное шило. Это дало поводъ его надменію. Увѣщаемый Макаріемъ
престать отъ своего помысла и помолиться Богу, Валентъ не
слушался. Діаволъ же, увѣрившись, что Валентъ совершенно пре-
дался его обману, принимаетъ на себя видъ Спасителя и ночью
приходитъ къ нему, окруженный сонмомъ демоновъ, въ образѣ
ангеловъ, съ зажженными свѣтильниками; и вотъ является огнен-

47) Тамъ же стр. 117.

48) Гл. 84, стр. 82.

49) Глав. 29, стр. 103.

ный кругъ и въ срединѣ его Валентъ видитъ какъ бы Спасителя. Одинъ изъ демоновъ, въ образѣ ангела, подходитъ къ нему и говоритъ: ты благоугодилъ Христу своими подвигами и свободою жизни, и онъ пришелъ видѣть тебя. Итакъ ничего не дѣлай, а только, ставши въ дали и увидѣвъ его, стоящаго среди сонма, падши, поклонись Ему, потомъ иди въ свою келью. Валентъ вышелъ и, увидѣвъ множество бѣсовъ съ свѣтильниками, на разстояніи около стадиі, падши, поклонился антихристу. Обольщенный дотога простеръ свое безуміе, что, пришедши на другой день въ церковь, сказалъ при всей братіи: я не имѣю нужды въ приобщеніи; сегодни я видѣлъ Христа. Тогда святые оцы связавши его цѣпами, втеченіи года вылѣчили его, истребивъ гордость его молитвами, разнообразнымъ униженіемъ и суровою жизнію. Кому извѣстенъ въ деталяхъ рассказъ нашего Патерика объ Исакіѣ и явленіи ему бѣсовъ, тотъ найдетъ въ немъ дословное воспроизведеніе приведеннаго нами рассказа о Валентѣ.

Идемъ далѣе. Въ житіи Агапита, врача безмезднаго, говорится: ⁵⁰⁾ «якоже бо онъ великій, — дѣло идетъ о препод. Антоніѣ Печерскомъ, — покрывая свою святость, больныя цѣляще отъ своея яди, миса тѣмъ зелье врачебное подаати, тако сдрави бываху молитвою его; тако и съ блаженный Агапитъ, ревнуя сватому старцю, помогаше больнымъ.» Тоже говорится и о Даміанѣ цѣлебникѣ. ⁵¹⁾ «И аще бо коли кто принесаше дѣтищъ болей кацѣмъ либо недугомъ одержимъ бѣаше, или свершенъ человекъ кацѣмъ либо недугомъ одержимъ прихожаше въ монастырь къ блаженному Θεодосію: повелѣваше сему Даміану молитву створити болящему; масломъ святымъ помазаше и приимаху исцѣленіе приходящии къ нему.» Подобное всему этому рассказывается и объ Іоаннѣ Ликопольскомъ ⁵²⁾. И эготъ послѣдній, не желая показывать себя чудотворцемъ, исцѣлялъ больныхъ не непосредственно, а чрезъ масло.

О Григоріѣ чудотворицѣ рассказывается въ нашемъ Патерикѣ ⁵³⁾, что «въ едину ночь придоша татіе, и стрежаху, да егда идегъ на утренюю, и вшедше, возмутъ вся. Очутивъ же Григорій приходъ ихъ, помолися сихъ: Боже! дажь сонъ рабомъ твоимъ, яко трудишася врагу угрожающе. Испаша 5-ть дней и 5-ть ноци, дондеже блаженный призва братію, взбуди ихъ, глаголя: доколѣ стрежете, покрасти мя хотяще; уже идѣте домови. Встав-

50) Арсеньев. рукоп. стр. 204.

51) Тамъ же стр. 383.

52) См. Лавсанк. гл. 39, стр. 127.

53) Арсеньев. рукоп. стр. 277.

ше же ити не можаху; бѣша бо замерли отъ глада. Блаженный же, давъ имъ ясти, отпусти я. Се увѣдавъ властелинъ градскій, нача мучити тати. Стуживъ же си Григорій, яко же его ради предаци суть, шедъ вдаеъ книги властелину, тати же отпусти...

Нѣчто подобное же разсказывается и объ аввѣ Θεонѣ ⁵⁴⁾, именно: сѣна него, однажды въ глубокую ночь напали разбойники съ тѣмъ, чтобы убить его, надѣясь найти у него золога. Святый помолился, — и они доутра остались недвижимы у дверей его. Когда же сталъ собирать я къ нему народъ и хотѣлъ сжечь ихъ, святый, вынужденный крайностию, сказалъ народу: отпустите ихъ невредимыми, а если не отпустите, отъ меня отступитъ благодать исцѣлений. Народъ послушался...

Въ житіи аввы Ираклія ⁵⁵⁾ разсказывается объ одномъ монахѣ и его ученикѣ. Послѣдній хотѣлъ сдѣлаться монахомъ. Старецъ прелоставивъ ему выбрать мѣсто для кельи и устроивъ ее, сдѣлалъ его монахомъ. Преподавъ ему наставленія жизни, именно ѣсть, пить и спать въ продолженіе недѣли, но не являться къ нему, а приходитъ только по субботамъ. Но ученикъ чрезъ два дня соскучился и сталъ роптать на старца. Вечеромъ, послѣ пѣнія псалмовъ, приидя спать, онъ видигъ еѣюпа на своей рогожѣ. Въ ужасѣ бѣжитъ онъ къ старцу и стучитъ я, но тотъ не отворяетъ. По утру отворивъ, пошелъ его за дверями умоляющимъ и, сказавшись, ввелъ его къ себѣ. Тогда онъ сказалъ: у меня, отецъ, есть нужда до тебя: я видѣлъ чернаго еѣюпа на моей рогожѣ, когда пошелъ спать. Старецъ отвѣчалъ: это ты потерпѣлъ за то, что не не помнилъ моего наставленія. Подобное же разсказывается и въ Печерскомъ Патерикѣ о Никитѣ затворникѣ ⁵⁶⁾, удалившемся въ затворъ вопреки увѣщаніямъ игумена и изобитомъ тамъ бѣсами.

Житіе Марка Печерника тоже имѣетъ подобныя себѣ въ Греческихъ Патеривахъ. Объ этомъ святомъ Печерскомъ разсказывается, что его слушались мертвые, именно: «однажды братъ въ Печерскомъ монастырѣ, болѣвъ много, умре; нѣкто же отъ другаго ему иде въ пещеру, хотя видѣти мѣсто, идѣже положитися хочеть тѣло любимаго имъ; въ проси же блаженнаго сего. К нему же отвѣща Марко: брате, иди ирци умершему: пожди до утреняго; дажь ископаю ти мѣсто, ти тако отидеши на онъ житія покои. Пришедши же братъ глагола ему: отче, Марко, азъ отрохъ губою мертваго тѣло, и къ кому велиши ми глаголати си? Марко рече: се

54) Лавсанк. гл. 45, стр. 150.

55) Достопаи. изреч. стр. 89.

56) См. Арсен. в. рукоп. стр. 287.

видиши мѣсто недокончено; везю ти: иди рѣци умершему: глаголетъ ти грѣшникъ Марко: брате, пребуди еще ми день и утро умреши, дажь уготоваю ти мѣсто въ положеніе и пришло по ты. Пришедый же братъ, послушавъ блаженнаго, пришедъ въ монастырь, обрѣте всю братію обычное пѣніе надъ мертвымъ совершающе, и ставъ уамертваго рече: глаголетъ Марко, яко мѣсто нѣсть уготовано ти, пожди до утра. И удивишия вси сему словиси, егда изрече предъ всѣми, и ту абіе прозрѣ мертвый и въ зратися духъ его вонь, и пребысть дені ти весь и ношь отвереть очи имый, и ничто же не имый глаголати; заутра же иде въ пещеру онъ братъ, приходивый преже, хотя увѣдѣти, още мѣсто кончено есть. Къ нему же рѣче блаженный: шедъ, рѣци умирающему: остави животъ ми временный и преиди на звѣный; се бо мѣсто уготовано ти есть на пріятіе тѣлу; отдакъ твой духъ, тѣло же твое съ святыми отци сдѣ положено будетъ въ пещерѣ. Пришедъ же братъ си вся изглагола ожившему, игу обіе смѣжася и животный духъ отдасть предъ всѣми пришедшими посѣщенія его рѣди....

Другой случай съ тѣмъ же Маркомъ былъ такой: умеръ одинъ братъ; надъ нимъ совершили уже отпѣваніе и принесли на мѣсто упокоенія. Но мѣсто это оказалось чрезвычайно узкимъ, такъ какъ Маркъ, по усталости, немогъ достаточно расширить его. Принесшая покойника братія начала роптать за это на Печерника, потому что нельзя было возлечь на умершаго масло, какъ это было въ обычаѣ. Тогда Маркъ, между прочими извиненіями, обращаясь къ мертвецу, говоритъ ему: «самъ, брате, покрѣпись, примъ масло: възлѣ нася». Мертвый протянулъ руку, и, вѣсколько приподнявшись, взялъ масло, «възлѣ на си крестомъ на лице и на перси, и, отдавъ сосудъ предъ всѣми потомъ оправился, въ злегъ, усне»⁵⁷⁾.

Нѣчто подобное этимъ двумъ случаямъ въ жизни Марка Печерника разсказывается въ Лимонарѣ⁵⁸⁾ объ игуменѣ монастыря св. Саввы Агіодулѣ, именемъ: «когда онъ былъ настоятелемъ монастыря блаженнаго Герасима, одинъ изъ находящихся тамъ братьевъ умеръ, а старецъ не зналъ объ этомъ. Между тѣмъ, когда канонархъ билъ въ дерево, чтобы братья обратись къ выносу умершаго, старецъ, пришедши въ церковь и увидѣвъ лежавшее тамъ тѣло, весьма опечалился что не простился съ умершимъ прежде его смерти. Потомъ, подошедши къ одру умершаго, сказалъ: встань братъ, простись со мною. Мертвый всталъ и поцѣло-

57) См. Арсеньев. рукоп. стр. 335 и 336.

58) Лим. гл. 11, стр. 15.

валъ старца. И старецъ сказалъ ему: теперь спи, пока не придетъ Сынъ Божій и не воскреситъ тебя».

Нѣсколько похожее на это разсказывается и объ аввѣ Минасіѣ⁵⁹⁾. Этотъ святой, «проходя чрезъ нѣкоторое мѣсто, увидѣлъ одного монаха, котораго схватилъ кто-то какъ убійцу. Старецъ подошелъ и спрашивалъ брата. Узнавъ, что это клевета, онъ спросилъ державшихъ его: гдѣ убитый? Ему указали. Старецъ приблизившись къ убитому, велѣлъ всѣмъ молиться. Когда же самъ онъ простеръ руки свои къ небу, мертвый всталъ. Авва спросилъ его предъ всѣми; скажи мнѣ, кто тебя убилъ? Онъ отвѣчалъ: я вошелъ туда-то и отдалъ деньги тому-то, а онъ взялъ меня и зарѣзалъ; потомъ вынесъ и бросилъ въ монастырь аввы. Но прошу васъ возьмите у него мои деньги и отдайте ихъ моимъ дѣтямъ. Тогда старецъ сказалъ ему: пойдн и спи, доколѣ придетъ Господь и возбудитъ тебя».

Авва Макарій Египетскій⁶⁰⁾ также спрашивалъ одного мертвеца, гдѣ тогъ предъ своею смертію положилъ чужую поклажу. Мертвый отвѣчалъ: «она спрятана въ домѣ моемъ въ ногахъ постели. Тогда старецъ сказалъ ему: спи до дня воскресенія».

Въ разсказѣ о Пименѣ многострадальномъ говорится, что этотъ святой «не здравіа просяше, но и приложенія болѣзни; да не како сдравъ бывъ, исторженъ будетъ, родителема своима отъ монастыря»⁶¹⁾. Черта эта сходна съ разсказомъ Лимонаря о старцѣ Пиргійской Лавры Мирогенѣ, который отъ строгихъ подвиговъ страдалъ водянкою и который, когда другіе старцы хотѣли лечить его, отвѣчалъ: «отцы! молитесь за меня, дабы мой внутренній человекъ не подвергся подобной болѣзни. А что касается до настоящей моей болѣзни, то я прошу Бога, чтобы онъ не вдругъ освободилъ меня отъ нея»⁶²⁾.

Въ томъ же Патерикѣ Синайскомъ⁶³⁾ разсказывается объ аввѣ Стефанѣ, пресвитерѣ Лавры Ииортской, что, когда онъ сидѣлъ въ своей кельѣ, демонъ внушалъ ему такіе помыслы: «удались, ты здѣсь не получишь пользы».

Подобные же помыслы объ удаленіи изъ монастыря, по словамъ нашего Печерскаго Патерика⁶⁴⁾, демонъ внушалъ иноку Феодору Печерскому. «Валю ти, говорилъ бѣсъ, да ее возьму (дѣло

59) Достопамят. изреч. стр. 168.

60) Достопамят. изреч. стр. 143.

61) Арсеньев. рукоп. стр. 371.

62) Лимон. гл. 9, стр. 11.

63) Тамъ же гл. 61 стр. 58.

64) Арсеньев. рукоп. стр. 354.

идеть о найденномъ Θεодоромъ сокровищѣ) идеши на иную страну и тако притяжеша села и еже на потребу; можеша и тамо спастися и пр.»...

Разсказъ нашего Печерскаго Патерика о Спиридонѣ Просфорникѣ, именно о томъ, какъ онъ закрылъ устье печи своею ризою, которой не коснулся пламя, и принесъ свиткой воды для затушенія происшедшаго было пожара, также имѣеть не мало подобныхъ себѣ разсказовъ въ Патерикахъ Греческихъ. По буквальному сходству этихъ разсказовъ приводимъ все ихъ въ подлинникѣ. Нашъ Патерикъ говоритъ: «и сему, т. е. Спиридону, обычную работу творящую, лучися убо пѣкогда сему блаженному въ жеши печь на испеченіе проскурамъ; и отъ опаленія огня заже жеся покровъ храму. Съже въземъ свою мангію, закры устье печи. Свигъ же, завязавъ рукава, и сію въземъ, тече на кладѣзь и ту пальвѣвъ воды, скоро течаше, зовый братію, да угасѣтъ. Они же, притекше, видѣша дивную вещь: како не истече отъ свиты вода, ею же угасиша силу огненную»⁶⁵⁾.

Подобное же, по свидѣтельству Лимонаря⁶⁶⁾, случилось и въ (бители св. Θεодосія Великаго, именно: «въ одинъ день, когда братья дѣлали хлѣбы, братъ Георгій топилъ печку. Истопивши печь, не нашель чѣмъ выместъ оную, потому что братья спрятали помело, желая испытать его. Братъ, влѣзши въ печь, вымель ее своею одеждою и вышелъ изъ огня не вредимъ».

Въ томъ же самомъ Патерикѣ разсказывается еще объ антиохійскомъ патріархѣ Ефремѣ, что онъ, во время спора съ однимъ столпникомъ, державшимся ученія Севера и предложившимъ, для узнанія чье ученіе истинно, устроить костеръ и войти въ него обоимъ, когда тотъ не захотѣлъ сойти со столпа, снялъ съ себя омофоръ и бросилъ его въ огонь. Огонь горѣлъ около 3-хъ часовъ; дрова сгорѣли, но омофоръ остался цѣлъ и не вредимъ, совершенно ничего не потерпѣлъ⁶⁷⁾.

А вотъ и еще одинъ случай, много сходный съ разсказомъ нашего Патерика о Спиридонѣ, много сходный потому, что въ немъ дѣло идетъ не объ огнѣ только, но и оводѣ, принесенной вретищемъ. Случай этотъ, бывший съ аввою Іудіаномъ и старцемъ Каламоиской Лавры Кириакомъ, описанъ опять же таки въ томъ же Синайскомъ Патерикѣ⁶⁸⁾. Дѣло было такъ: «авва Іудіанъ столпникъ, посылая привѣтствіе Кириаку, послалъ ему вретище съ

65) Арсеньев. рукоп. стр. 387.

66) Лимон. гл. 91, стр. 90.

67) См. Тамъ же гл. 35, стр. 31.

68) Лимон. гл. 26, стр. 23.

тремя горячими углами. Старецъ, принявъ привѣтствіе и угли, которые еще не потухли, отослалъ ихъ обратно къ аввѣ Іудіану, наливъ во вретнице воды и завязавъ его».

Далѣе, объ аввѣ Евagriѣ разсказывается, что онъ говорилъ такъ: «сидя въ кельѣ, собери свой умъ, вспомни о днѣ смерти и пр....»⁶⁹⁾.

Подобными же словами начинается и нашъ Печерскій Патерикъ, именно Симонъ, въ своемъ посланіи къ Поликарпу, обращается къ нему съ такими словами: «брате, сядь въ безмолвіи, собере умъ свой»... и пр.⁷⁰⁾.

Въ житіи преп. Θεодосія Печерекаго мимоходомъ разсказывается о старцѣ Матѣѣ, который былъ презорливъ. «Однажды, стоя на своемъ мѣстѣ въ церкви, онъ поднялъ глаза и посмотрѣлъ на братію пѣвшую по сторонамъ, и увидалъ: бѣсъ въ образѣ Ляха, въ людѣ, держитъ въ прищодѣ цвѣты, называемые лѣпками, обходитъ братію и, выпиная цвѣты, бросаетъ на нихъ. И если къ кому изъ поющей братіи пристанетъ цвѣтокъ, тотъ, разслабѣвъ умомъ, постоитъ не много и, нашедши какую—нибудь причину, уйдетъ изъ церкви въ келью заснетъ и уже не возвращается до конца службы. Если же бѣсъ броситъ на кого цвѣтокъ и онъ не пристанетъ; то братъ тотъ крѣпко стоитъ въ цѣлніи, пока не окончится заутреня, и только уже тогда уходитъ въ свою келью⁷¹⁾.

О подобномъ же видѣніи аввы Макарія Александрійскаго разсказываетъ Руфинъ. Авва Матарій, стоя въ церкви, видѣлъ, какъ черные эфіопы, въ видѣ маленькихъ отроковъ, бѣгали туда и сюда о церкви и подбѣгали къ каждому и къ нѣкоторымъ братіямъ, стоящимъ на молитвѣ и поющимъ; и если кому изъ нихъ казалась лязъ двумя пальцами, то тотъ тотчасъ заснулъ; если же кому полагали палецъ на уста, то дѣлали, что онъ зѣвалъ⁷²⁾.

Можно также находить нѣкоторое сходство между жизнеопианіемъ Никона Сухаго⁷³⁾, именно чудеснымъ его освобожденіемъ изъ плѣна Половецкаго и разсказомъ Лимонаря⁷⁴⁾, въ которомъ рѣчь идетъ о подобномъ же случаѣ съ однимъ Тирскимъ юношей, бывшемъ въ плѣну у Сарацинъ. Въ житіи Никона говорится, что

69) Достопамят. изреч. стр. 78; см. также Compl. Cursus I. 73, стр. 841; Аудр. а҃҃. β(ϛ). ч. I, гл. 3, § 3, стр. 860.

70) Арсеньев. рукоп. стр. 163.

71) Печати. Патерикъ въ переложен. на современ. русскій языкъ. Матріа Викторовой, стр. 12.

72) См. Curs. Compl. f. 73, стр. 765.

73) Арсеньев. рукоп. стр. 187.

74) Лимонарь гл. 154, стр. 156.

этотъ преподобный, бывъ взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ со многими другими, содержался тамъ окованный. Приходить нѣкто отъ Кіевлянъ и хочетъ выкупить его, но онъ не соглашается. Выкупивъ другихъ плѣнниковъ, этотъ неизвѣстный возвращается на родину и извѣщаетъ сродственниковъ преподобнаго о случившемся. Тѣ отправляются къ Половцамъ со многими имѣниемъ, чтобы выкупить его; но Никонъ, и на этотъ разъ, отказывается быть освобожденнымъ подобнымъ образомъ; убѣждаетъ родныхъ не тратить напрасно добраго, говоря, что если бы Господь хотѣлъ имѣть его свободнымъ, то не предалъ бы его «въ руцѣ сихъ беззаконныхъ и лукавѣйшихъ паче всяе земли». Рѣчь, а пуще не преодолимое рѣшеніе страдальца взяли перевѣсь, и родственники ушли обратно со своимъ имѣниемъ. Тогда Половцы, видя себя лишенными богатаго выкупа, начинаютъ истязать преподобнаго всякими муками; онъ терпитъ все и даже предсказываетъ Половцамъ свое чрезъ три дня освобожденіе. И дѣйствительно, чрезъ три дня онъ, несмотря на бдительнѣйшую стражу и на подрѣзаніе лытокъ, какъ выражается авторъ Патерика, въ виду всей стражи сталъ вдругъ невидимъ и очутился въ Печерской церкви во время пѣнія каноновъ.

Чудесно также было и освобожденіе упомянутаго юноши Гирянина, плѣнника Сарацинъ. Разсказъ объ этомъ Лимонаря таковъ: «авва Николай разсказалъ, что въ царствованіе императора Маврикія, во время грабежей, которые производилъ Намесь, начальникъ Сарацинской, когда я проходилъ близъ Анцова и Эдона, видѣлъ трехъ Сарацинъ, имѣвшихъ въ плѣну у себя одного весьма красиваго 20-ти лѣтняго юношу. Когда этотъ юноша увидѣлъ меня; то со слезами началъ просить меня, чтобы я взялъ его отъ нихъ. Я просилъ Сарацинъ отпустить его. Одинъ Сарацинъ отвѣчалъ мнѣ: не отпустимъ его. Я опять сказалъ имъ: возьмите меня, а его отпустите; онъ не можетъ перенести плѣна. Сарацинъ отвѣчалъ мнѣ: не отпустимъ его. Я въ третій разъ сказалъ: неужели и за выкупъ не отпустите его? Отдайте мнѣ его, и я принесу вамъ чего вы потребуете. Сарацинъ отвѣчалъ мнѣ: не можемъ отдать тебѣ его; мы обѣщали нашему жрецу, что, если попадется намъ что-нибудь хорошее, отдать ему для принесенія въ жертву. Итакъ ступай ты; иначе мы повергнемъ твою главу на землю. Тогда я, сдѣлавъ земной поклонъ, сказалъ: Спасителю нашъ Господи Боже! спаси раба твоего. И тотчасъ трое Сарацинъ объята стали демономъ и, обнаживъ свои мечи, убили другъ друга.» Сходныя черты, по нашему, здѣсь тѣ, что какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ плѣнники оба люди молодые; какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ являются на выручку посторонніе ходатаи, ходатайство, которыхъ, однакожь, не приводитъ къ желанному результату; все дѣло, наконецъ, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ слу-

чаѣ вѣнчаетъ чудесная помощь свыше. Пименъ многострадальный, по разсказу нашего Патерика, былъ постриженъ ангелами въ монахи; а въ Лимонарѣ 75) разсказывается объ одной дѣвицѣ Александрійской, которая за дѣло милосердія была ангелами крещена.

Вотъ тѣ немногія, но тѣмъ не менѣе весьма важныя, для замѣченной нами цѣли, сходства, которыя мы нашли, читая нашъ Патерикъ и Патерики Греческіе. Быть можетъ будущему изслѣдователю и удастся открыть еще нѣсколько не значительныхъ сходствъ; но, по нашему мнѣнію, наука отъ этого почти нисколько не выиграетъ, такъ какъ для ней важны собственно не мелочныя подробности, а, болѣе или менѣе вѣрныя, обобщенія, болѣе или менѣе вѣрные выводы. А для этого—для подобныхъ обобщеній и выводовъ мы считаемъ вполне достаточнымъ добытое и приведенное нами количество сходныхъ мѣстъ. Дѣло теперь, стало быть, за этими обобщеніями и выводами, которые мы и представимъ въ слѣдующей главѣ.

IV.

Въ нашемъ изслѣдованіи мы видѣли, что во многихъ мѣстахъ нашего Патерика авторы его почти дословно повторяютъ разсказы Патериковъ Греческихъ; что въ другихъ—въ нѣсколько измѣненномъ видѣ комбинируютъ вмѣстѣ—въ жизни одного святаго нѣсколько чертъ, взятыхъ изъ жизни многихъ греческихъ подвижниковъ, таковы, между прочими, житія преп. Θεодосія Печерскаго, Спиридона просфорника и др., видѣли, наконецъ, что чѣмъ знаменитѣе былъ нашъ русскій подвижникъ, тѣмъ болѣе сходныхъ чертъ находили мы въ сказаніи о немъ нашего Патерика и въ сказаніяхъ греческихъ Патериковъ о подвижникахъ востока; что, позволяемъ себѣ думать, будь другіе предѣлы нашей темы, то мы увидѣли бы, что и въ остальномъ нашъ Патерикъ не болѣе, какъ рабское подражаніе или, прямѣе сказать, заимствование въ лучшемъ смыслѣ этого слова, заимствование какъ изъ тѣхъ же Патериковъ Греческихъ, такъ и изъ многихъ другихъ источниковъ.

Послѣ всего вышесказаннаго, мы очевидно можемъ сдѣлать смѣлый шагъ къ рѣшительному заключенію и сказать, что нашъ Патерикъ, такимъ образомъ, есть не болѣе, какъ сколокъ съ различныхъ источниковъ: въ большей части своей съ Патериковъ, въ меньшей—съ другихъ благочестивыхъ произведеній древней Греціи, обильно распространенныхъ на святой дѣвственной Руси. Конеч-

но, для подобнаго заключенія, теперь еще мало оснований; но будетъ время и наша мысль подтвердится вполнѣ.

Итакъ, резюмируя наше изслѣдованіе, мы получаемъ въ итогѣ слѣдующее: Византія вліяла на насъ, прежде всего, своею вѣрою, а потомъ и литературою, пересаженною отсюда къ намъ черезъ Болгарію; подъ этимъ византійскомъ вліяніемъ у насъ на Руси развилась не большая самостоятельная литература, наиболѣе выдающимися произведеніями которой служатъ два, особенно выдающіеся, памятника религиозно-правственнаго характера: лѣтопись, именуемая Несторовою, и Печерскій Патерикъ, носящій на себѣ явные слѣды умственной жизни Византіи, слѣды которые подтверждаются сходствомъ нѣкоторыхъ мѣстъ послѣдняго изъ упомянутыхъ памятниковъ съ мѣстами византійскихъ его образцовъ. Сходство это такого рода, что даетъ поводъ и основаніе заключать, что нашъ Патерикъ есть сколокъ съ Патериковъ и другихъ произведеній древней Греціи.

Сейчасъ мы сказали, что Патерикъ нашъ есть сколокъ съ произведеній византійской литературы, тогда какъ нѣсколько выше причисляли его къ самостоятельнымъ созданіямъ нашей русской литературы. Слова эти отзываются, повидимому, диаметральною противоположностью. Въ самомъ дѣлѣ, говоря объ источникахъ для авторовъ нашего Патерика, мы, повидимому, сами себѣ противорѣчимъ. Патерикъ, вѣдь, какъ мы видѣли, описываетъ дѣйствительныя событія, какимъ же образомъ онъ есть только сколокъ съ произведеній византійской литературы и, въ концѣ концовъ, стало быть, одинъ призрачный вымыселъ? Но противорѣчіе это только кажущееся. Дѣло въ томъ, что авторы Печерскаго Патерика описывая дѣйствительныя событія религиозно-правственной жизни русскаго народа, событія, сохраненныя, съ одной стороны, преданіемъ, съ другой—ихъ собственною памятью, прибѣгали, для украшения этихъ событий, къ помощи своего поэтическаго воображенія и фантазіи, воспизанныхъ на почвѣ византійской литературы и подставлявшихъ, незамѣтно для самихъ авторовъ, извлеченныя изъ ней факты. Кроме того, само преданіе, существуя въ томъ обществѣ, которое питалось по преимуществу той же византійской литературой, и переходя изъ устъ въ уста, съ теченіемъ времени естественно, какъ это бываетъ всегда и со всякимъ преданіемъ должно было потерять свою первоначальную сущность и получить поэтическую окраску, которая опять же заимствована изъ той же византійской литературы.

Вотъ очень правдоподобный и очень вѣроятный путь, которымъ проникли въ нашъ Патерикъ религиозно-правственныя и въ мѣстѣ высокаго поэтическаго повѣствованія востока. А потому мы основываясь на этихъ соображеніяхъ, устраняющихъ всякое кажу-

вся противорѣчіе въ нашемъ изслѣдованіи, продолжаемъ стоять на своемъ выводѣ и утверждать, что хотя нашъ Патерикъ описываетъ и дѣйствительныя событія, но тѣмъ не менѣе онъ все таки есть не болѣе, какъ сколокъ съ произведеній древней Греціи.

А. В.

ЛИЦЕ ИСУСА ХРИСТА—ЧУДО ИСТОРИИ.

Съ опроверженіемъ ложныхъ теорій и собраніемъ свидѣтельствъ

(переводъ съ нѣмецкаго Dr. Schaff'a).

Когда ангелъ Господень явился Моисею въ горящей кувшѣ, онъ повелѣлъ ему иззуть сапоги: потому что земля, на которой онъ стоялъ была свята. Съ такимъ же благоговѣніемъ и священнымъ страхомъ должны приближаться и мы къ разсмотрѣнію великой дѣйствительности—явленія Бога во плоти, видѣніе которой Моисеемъ было лишь тѣнію и образомъ ¹⁾

Въ самомъ дѣлѣ, жизнь и характеръ Иисуса Христа суть святилище всемірной исторіи. Восемнадцать вѣковъ протекло, съ тѣхъ поръ какъ Онъ явился на землѣ, когда исполнилось время, чтобы избавить надшій родъ человѣческой отъ грѣха и смерти, и открыть неизсякаемый источникъ правды и жизни. Тысячелѣтія до Него пламенно ожидали пришествія Его, какъ исполненія надеждъ всѣхъ народовъ, и тысячелѣтіе послѣ Него возвѣщаетъ славу его и постоянно распространяетъ господство Его.

1) Монахъ и живописецъ Гга Beato Angelico da Fiesole (род. 1387 года въ Fiesole во Флоренціи, ум. 1455 въ Римѣ), одинъ изъ самыхъ свѣтлыхъ характеровъ, какіе только знаетъ исторія искусства, и который по серафимской красотѣ назывался въ ангеломъ «благословеннымъ» прославленныхъ святыхъ и «ангело подобнымъ», изображалъ Иисуса Христа и святую Дѣву Марію не иначе какъ молящихся и колѣнопреклоненныхъ. Реванъ въ его «*Studien der Religionsgeschichte und kritik*» стр. 168 англійскаго перевода von O. B. Frathingham, New York 1864, говорить: «надлежало бы критикѣ слѣдовать его приѣру и бросаться въ свѣтлый кругъ навѣстныхъ образовъ, предъ которыми глубоко преклоняются вѣка, не прежде, какъ когда она преклонилась бы предъ ними». Въ сожалѣнію, французскій философъ думаетъ объ этомъ въ смыслѣ пантеистическаго культа героевъ. Мы почитаемъ достойнымъ божественной чести и поклоненія только *одного* человѣка—Богочеловѣка, Иисуса Назарянина.

Для благороднѣйшихъ и лучшихъ людей всего міра Онъ есть не только предметъ на чистѣйшей любви и искреннѣйшей благодарности, но и предметъ божественнаго поклоненія и почитанія. Его имя — превыше всехъ именъ, которыя могутъ быть названы на небѣ и на землѣ, и единственное, въ которомъ грѣшникъ можетъ быть блаженнымъ. Онъ есть Виновникъ новаго творенія, Путь, Истина и Жизнь, Пророкъ, Священникъ и Царь обновленнаго человѣчества. Онъ есть Еммануиль, съ нами Богъ, вѣчное Слово, ставшее плотию, истинный Богъ, и истинный человекъ въ нераздѣльномъ лицѣ, Спаситель міра.

Такова вѣра всей христіанской церкви, греческой, латинской и евангелической во всехъ странахъ цивилизованнаго міра. Какъ ни расходятся доселѣ различныя исповѣданія и общества въ ученіи и обычаяхъ — въ любви и почитаніи Іисуса Христа все они согласуются. Они слагаютъ свое оружіе, когда приближаются къ виллеемскимъ вратамъ или къ голгоетскому кресту, гдѣ Онъ родился и умеръ за наши грѣхи, дабы мы могли вѣчно жить на небѣ. Онъ есть общее средоточіе жизни всехъ истинныхъ христіанъ, гдѣ соединяются ихъ сердца любовью, молитвами и надеждами, несмотря на все несогласіе ихъ представителей во взглядахъ и теоріяхъ. Ученіе и установленія, богослуженіе и обряды, наука и искусства всего христіанства свидѣтельствуютъ о неизгладимомъ впечатлѣніи, какое произвелъ Онъ на міръ. Безчисленныя церкви и соборы также служатъ многими памятниками признательности къ Его святому имени, и тысячи гимновъ и молитвъ во славу Его ежедневно во всехъ странахъ міра возносятся къ Нему и изъ общественныхъ мѣстъ богопочитанія и изъ уютныхъ молелень. Власть Его теперь весьма велика, царство Его весьма обширно, и они будутъ разпространяться дотолѣ, пока не преклонятся предъ Нимъ все народы и необлобызаютъ скипетръ Его правды и мира.

Благо тому, кто вѣруетъ сердцемъ, что Іисусъ Христосъ есть Сынъ Божій и источникъ блаженства! Истинная вѣра не есть дѣло природы, но дѣло Божіе, производимое въ душѣ Духомъ Святымъ, Который открываетъ намъ Іисуса Христа въ Его истинномъ существѣ, какъ Христосъ открылъ Отца. «Не плоть и кровь», сказалъ Господь Петру, послѣ того какъ онъ засвидѣтельствовалъ свое славное исповѣданіе вѣры, «не плоть и кровь открыли тебѣ это, но Отецъ мой небесный». Вѣра съ ея оправдывающею, освящающею и спасающею силою не зависитъ отъ науки и учености, она можетъ быть воспламеняема въ сердцѣ и малолѣтняго дитяти и невѣжественнаго раба. Особенная слава Спасителя и Его религіи состоитъ въ томъ, что онъ обращается ко всемъ людямъ, безъ различія пола, возраста, народа и состоянія. Его спасающая бла-

годить простирается на всё, подъ единственнѣмъ условіемъ покаянія и вѣры.

«Чего не видитъ разумъ разумныхъ. Тому вѣруетъ въ простотѣ дѣтское сердце».

Но этотъ фактъ не исключаетъ необходимости размышленія и доказательства. Откровеніе сверхъестественно и неостижимо для разума, но не противно ему.

Напротивъ, естественное и сверхъестественное составляютъ единое откровеніе и управленіе Божіе ²⁾. Христіанство удовлетворяетъ какъ наиблагочайшимъ умственнымъ потребностямъ чело- вѣка, который сотворенъ по образу и по подобію Божію, такъ и нравственнымъ и религіознымъ. Оно есть откровеніе истины и жизни. Вѣра и знаніе, πίστις и γνῶσις, не противоположности, но дополняющія себя силы, не враги, но неразлучныя сестры—близнецы. Вѣра предшествуетъ знанію, но также необходимо ведетъ къ знанію, и съ другой стороны истинное знаніе всегда коренится и основывается на вѣрѣ, и служитъ къ утвержденію и укрѣпленію ея. То и другое вмѣстѣ мы находимъ въ слависмъ исповѣданіи святаго Петра, гдѣ онъ именемъ всѣхъ апостоловъ говоритъ: «мы увѣровали и познали, что ты Христосъ» ³⁾. Да, они столь внутренне соединены между собою, что извѣстное положеніе Августина, Ансельма и Шлейермахера: «вѣра предшествуетъ знанію» ⁴⁾ мы

2) Dr. Horace Bushnell, остроумный пуританскій богословъ von Neu—England, уже въ заглавіи интереснаго превзведенія его; «Nature and the Supernaturae as together constituting the one Sistem of God» (New York 1858) выражаетъ связь естественнаго и сверхъ естественнаго въ мироправленіи Божіемъ и проводитъ эту мысль достойнымъ вниманія образомъ для нѣмецкихъ богослововъ. Эту же самую мысль выражаетъ Dr. John W. Nevin въ его сочиненіи The Mistikal Presence Филадельфія 1846, стр. 199 слѣдующими словами: «Природа и откровеніе, міръ и христіанство, берутъ свое начало изъ одного и того же Духа Божія и потому онѣ не двѣ системы, которыя только внѣшнимъ образомъ связаны одна съ другою. Онѣ составляютъ единое, вездѣ гармоничное цѣлое. Поэтому мысль одного необходимо заключена въ мысли другаго. Тайна новаго творенія должна содержать въ себѣ тайну ветхаго и ключъ,—который объясняетъ смыслъ перваго, долженъ открыть наиблагочайшую тайну послѣдняго».

3) Іоан. 6, 69: «мы увѣровали и познали» (ἠμεῖς πεπιστεύχαμεν καὶ ἐγνώχαμεν, credidimus et cognovimus). Обратный порядокъ находимъ Іоан. 10, 38. «дабы вы познали и увѣровали, что Отець во Мнѣ и Я во Немъ». Также 1 Іоан. 5, 13.

4) «Fides praecedit intellectum». Или полнѣе на языкѣ Ансельма Кантербурійскаго, эмиграѣ Шлейермахерской догматики: Neque enim quareo

можемъ избѣнить и съ равнымъ правомъ сказать: «знаніе предшествуетъ вѣрѣ»⁴⁾. Въ самомъ дѣлѣ, какъ мы можемъ вѣрить чему нибудь, не имѣя по крайней мѣрѣ известнаго общаго историческаго знанія о его бытіи и существѣ? Вѣра, въ самой низшей формѣ ея, какъ подчиненіе авторитету Божию⁵⁾ соизволеніе (*zustimmung*) на истинность его откровенія, есть дѣятельность сколько духа и ума, столько же сердца и воли. Поэтому древнее опредѣленіе вѣры обнимаетъ слѣдующія три пункта: знаніе, согласіе (*Beifall*) усвоеніе или увѣренность. Идіотъ или сумасшедшій не можетъ вѣрить. Наша религія требуетъ не слѣпой, но разумной вѣры, и чѣмъ тверже и пламеннѣе она, тѣмъ болѣе она стремится къ болѣе глубокому пониманію ея вѣчнаго слагающаго содержанія и предмета.

Какъ живая вѣра во Христа есть душа и средоточіе всего практическаго христіанства и всего благочестія, такъ истинное ученіе объ Иисусѣ Христѣ—душа и средоточіе здраваго христіанскаго богословія. Святой Іоаннъ отрицаніе воплощенія Сына Божія дѣлаетъ признакомъ антихриста и слѣдовательно вѣру въ эту основную истину признакомъ христіанства. Воплощеніе вѣчнаго Слова и божественная слава, сіяющая подъ покровомъ челоуѣчества Иисуса Христа, есть великая тема его евангелія, которое онъ, какъ любимый и задушевный ученикъ Иисуса Христа, написалъ перомъ ангела изъ сердца Христова. Апостольское исповѣданіе вѣры, вышедшее изъ слова Петра, особенно отличаетъ членъ объ Иисусѣ Христѣ и даетъ ему срединное положеніе между предыдущимъ членомъ о Богѣ Отцѣ и послѣдующимъ о Богѣ Духѣ Святомъ. Развитіе древняго христіанскаго богословія началось и достигло своего высшаго пункта побѣдоносною защитою истиннаго божества и челоуѣчества Иисуса Христа противъ іудейскихъ и египетскихъ расколовъ, которые отрицали первое, и противъ языческаго пантеизма, который превращалъ послѣднее въ странный призракъ. Христіанское богословіе отъ начала до конца проникнуто идеею объ Иисусѣ Христѣ какъ Богочелоуѣкѣ. Дѣло спасенія, совершенное Иисусомъ Христомъ, вотъ основная истина христіанства.

Ученіе о лицѣ Иисуса Христа мы можемъ теперь, вмѣстѣ съ

intelligere ut credam, sed credo ut intelligam. Nam qui non crediderit, non expectatur, et qui expertus non fuerit non intelligat.

5) «*Intellectus praecedit fidem*». Таково было правило Абеяярда которое, безъ ограниченія противоположными мыслями, ведетъ къ рационализму и скептицизму.

свѣтъмъ Иоанномъ начать вѣчнымъ божествомъ Иисуса Христа и чрезъ твореніе и предуготовительное откровеніе возхотѣвъ домостроительства спасенія идти до той поры, пока въ Его воплощеніи и Его истинной человѣческой жизни не дойдемъ до спасенія рода нашего. Или мы можемъ съ другими евангелистами начать рожденіемъ Его отъ Дѣвы Маріи, и чрезъ слѣдующія одна за другой ступени земной жизни Его, Его рѣчи и чудеса, возвыситься до принятія Его въ небесную славу, которую Онъ имѣлъ прежде нежели положено было основаніе міру. Результатъ въ обоихъ случаяхъ будетъ одинъ и тотъ же, именно что Иисусъ Христосъ въ своемъ лицѣ соотичаетъ всю полноту божества, и всю полную безгрѣшную челоѣческую. Древнѣйшіе богословы не только католическіе, но и евангелическіе, доказывали божество Иисуса Христа прямо чудесами, которыя совершалъ Онъ, пророчествами и образами, которыя исполнились на Немъ, божественными именами, которыя носитъ Онъ, божественными свойствами, которыя приписываются Ему, и божественными почестями, которыхъ Онъ требуетъ и которыя вполнѣ воздаются Ему Его апостолами и всю христіанскую церковь до настоящаго дня.

Но при этомъ доказательствѣ можно также избрать и противоположный путь и исходить изъ разсматриванія полнаго совершенства Его челоѣчества, которое, какъ почти вообще, принадлежитъ самой невѣрующей сторонѣ, такъ безмѣрно возвышается надъ всякимъ прежде или послѣ видѣннымъ челоѣческимъ величіемъ, что оно можетъ быть объяснено только такимъ существеннымъ соединеніемъ съ божествомъ, какъ Онъ Самъ свидѣтельствуемъ о себѣ и приписываютъ Ему Его апостолы. Чѣмъ глубже мы смотримъ сквозь покрывало Его плоти, тѣмъ яснѣе видимъ славу едиnorodнаго Сына со Отцемъ совершенной благодати и истины⁶⁾

6) Г. Ульманъ, «die Jüdische Keif Jesu», 6 изд. стр. 215: «Такъ уже совершенное челоѣческое въ Иисусѣ Христѣ ведетъ къ признанію въ Немъ Божественнаго, когда мы сравниваемъ Его со всемъ остальнымъ, что предлагаетъ челоѣчество». Дорнеръ «Entwicklungsgeschichte der Lehre von der Person Christi», 2 изд. 2 кн. стр. 124: «Святость и мудрость Иисуса Христа, чрезъ которыя Онъ одиноко стоитъ между грѣшными и многозаблуждающими людьми, указываетъ... на сверхъестественное происхожденіе Его лица. Оно должно быть производимо, чтобы быть поставленнымъ въ мірѣ грѣшниковъ, изъ особеннаго и чудеснаго творческаго дѣянія Божія, даже въ Иисусѣ Христѣ должно... быть разсматриваемо въ Бога, должно быть видимо воплощеніе божественной любви, слѣдовательно божественнаго существа, что позволяетъ Ему быть пунктомъ соединенія Бога и челоѣчества воедино внутреннѣйшимъ образомъ. Ср. также Обращеніе Christliche Dogmatik 1852 кн. 2 прим. 24—31; и W. Naht. Сов.

Новѣйшее христіанское богословіе обязано этимъ благоговѣніемъ къ Спасителю. Сильныя и злобныя нападенія невѣрующихъ на достовѣрность евангельской исторіи привели уже къ новому торжеству древнюю вѣру церкви съ ея божественною Главою. Наше гуманное, филантропическое и въ тоже время, скептическое время способиѣ къ принятію доказательства отъ человечества къ божеству, чѣмъ древней догматической методы, которая избираетъ обратный путь. Въѣствъ съ ап. Томою, представителемъ прямого и серіознаго сомнѣнія между апостолами, отказываются вѣрить въ божество Господа и нѣкоторые благородные и пытливые умы, потому, что они руководятся при этомъ свидѣтельствомъ ихъ чувства или убѣдительнаго доказательства разума: они хотятъ вложить свой перстъ въ Его гвоздинныя язвы и рука—въ Его бокъ, прежде нежели они восклицаютъ въ смиренномъ поклоненіи: «Господь мой и Богъ мой». Они не легко могутъ быть приведены къ вѣрѣ въ чудеса чрезъ отвлеченные доводы или историческія свидѣтельства, но если они могли видѣть въ лицѣ и характерѣ Иисуса Христа только великое нравственное чудо, то чудеса Его дѣлъ не составили бы для нихъ болѣе никакого затрудненія. Ибо сверхчеловѣческое существо необходимо должно совершать и сверхчеловѣческія дѣла, чудесное лице должно производить и чудесныя дѣйствія. Противоположность была бы неестественною и величайшимъ чудомъ. Каково дерево, таковъ и плодъ. Мы вѣримъ въ чудеса Иисуса Христа, потому что мы вѣруемъ въ Его лице какъ Богочеловѣка и средоточное чудо нравственнаго міра.

Съ этой точки зрѣнія мы хотимъ попытаться рассмотреть и представить человѣческую природу Иисуса Христа, настолько просто и кратко, насколько позволяетъ только трудность и важность предмета. Мы хотимъ показать людямъ Иисуса Назарянина, какимъ является Онъ по простодушнымъ и неподдѣльнымъ сказаніямъ вѣрующихъ галилейскихъ рыбаковъ, и какъ Онъ живетъ въ вѣрѣ христіанства, и мы найдемъ Его во всѣхъ положеніяхъ Его жизни, не только какъ частнаго человѣка, но и какъ общественный характеръ, столь далеко возвышующимся надъ всякимъ благоуспѣшнымъ соперничествомъ и столь совершеннымъ, что это совершенство, среди несовершеннаго и грѣховнаго міра, представляетъ непрекаемое доказательство Его божества.

Полное изслѣдованіе предмета побудило бы насъ рассмотреть Иисуса Христа не только въ Его официальномъ, но и личномъ характерѣ; мы должны были бы представить Его какъ учителя,

преобразователя, чудотворца и основателя духовнаго царства, владычество котораго не имѣетъ конца въ пространствѣ и времени. И съ каждой изъ этихъ точекъ зрѣнія мы несомѣнно пришли бы къ тому же самому результату. Но мы ограничимся для настоящей нашей цѣли только разсмотрѣніемъ Его личнаго характера и этого, какъ надѣемся мы, достаточно будетъ для того, чтобы прийти къ тому же самому выводу.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ БРИТАНСКАГО БИБЛЕЙСКАГО ОБЩЕСТВА ВЪ РОССИИ ВЪ 1873 ГОДУ ¹⁾.

Поле дѣятельности британскаго библейскаго общества въ полномъ, буквальномъ смыслѣ весь міръ. Это общество во всѣхъ странахъ пяти частей свѣта имѣетъ своихъ агентовъ, своихъ коммиссіонеровъ, своихъ корреспондентовъ и книгоношъ. Оно переводитъ Библию на всѣ языки и нарѣчія, существующія на земномъ шарѣ; издаетъ свящ. книги и пускаетъ ихъ въ продажу по такой дешевой цѣнѣ, что слово Божіе становится доступнымъ для людей самыхъ бѣдныхъ. Не ограничиваясь этимъ, британское библейское общество простираетъ свою христіанскую заботливость и на язычниковъ: посылаетъ въ самыя отдаленныя и дикія страны, гдѣ еще не бывала нога европейцевъ, своихъ миссіонеровъ, которые входятъ въ сношенія съ дикарями, узнаютъ ихъ языкъ, проповѣдуютъ ученіе Христово, составляютъ для ихъ языка азбуку, учатъ ихъ читать и писать, переводятъ на этотъ языкъ одну или нѣсколько библейскихъ книгъ, печатаютъ ихъ и снабжаютъ ими новыхъ христіанъ. Получивши свое начало въ 1804 году, это общество въ настоящее время, черезъ 70 лѣтъ, достигло поразительныхъ результатовъ. Въ прошломъ 1873 году оно распространило 2,654,080 экземпляровъ переведенныхъ и изданныхъ священныхъ книгъ своимъ обществомъ или при его содѣйствіи на 210 языкахъ и нарѣчіяхъ; а всего въ продолженіи 70 лѣтъ, по 31 марта настоящаго 1874 года, имъ распространено 71,131,111 экземпляровъ священныхъ книгъ, преимущественно евангелій.

Для такой громадной дѣятельности, конечно, необходимы средства громадныя; и британское библейское общество, благодар

¹⁾ Сообщаемыя свѣдѣнія взяты изъ шестидесятаго доклада британскаго библейскаго общества.

сочувствію своихъ членовъ къ его христіанской дѣятельности, никогда неимѣло недостатка ни въ людяхъ, готовыхъ съ самоотверженіемъ служить дѣлу распространенія свѣта божественнаго откровенія, ни въ матеріальныхъ средствахъ. Въ теченіи семидесятилѣтняго своего существованія общество имѣло возможность употребить на переводы, на изданіе и распространеніе священныхъ книгъ 7,514,572 фун. стерл., что составитъ на наши деньги приблизительно 53 милліона рублей. Изъ этой суммы въ прошломъ 1873 г. израсходовано болѣе 210,180 фун. стерл., или приблизительно полтора милліона нашихъ рублей.

Какъ прежде, такъ и въ прошедшемъ году дѣятельность британскаго библейскаго общества простиралась и на наше отечество. Важнѣйшими для Россіи дѣлами сего общества въ отчетномъ 1873 году, по 31 марта текущаго 1874 года, были: окончаніе перевода и изданіе на русскомъ языкѣ всѣхъ книгъ ветхаго завѣта, распространеніе священныхъ книгъ изъ прежнихъ складовъ и открытіе обществомъ въ разныхъ мѣстахъ русскаго государства новыхъ складовъ священныхъ книгъ.

»1873-й годъ, говоритъ отчетъ, будетъ памятенъ какъ въ лѣтописяхъ общества, такъ и въ церковной исторіи, окончаніемъ перевода Библии на современный русскій языкъ». Переводъ всего ветхаго завѣта, кромѣ осьми первыхъ книгъ, сдѣланъ профессорами петербургской духовной академіи—покойнымъ Левисономъ, Саввантовымъ и докторомъ Хвольсономъ, которыми были пересмотрѣны, для приведенія въ согласіе съ новымъ переводомъ, и первая восемь книгъ ветхаго завѣта, переведенныя и отпечатанныя бывшимъ русскимъ библейскимъ обществомъ еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Полный экземпляръ Библии, переведенной на русскій языкъ, отъ имени британскаго библейскаго общества былъ поднесенъ Ея Императорскому Высочеству, Великой Княгинѣ Маріи Александровнѣ, по случаю ея бракосочетанія съ герцогомъ Эдинбургскимъ. Ея Высочество изволила дважды выразить представителямъ общества высокій интересъ Ея къ этому дару.

Изъ заведенныхъ уже въ Россіи складовъ въ 1873 г. выпущено священныхъ книгъ въ обращеніе количество весьма значительное. Изъ главнаго склада въ С.-Петербургѣ было выпущено 204,467 экземпляровъ, изъ нихъ 1864 розданы безмездно. Въ Казани были сдѣланы опыты перевода св. писанія на языки татаръ, и чувашей и положено переводы эти напечатать послѣ провѣрки ихъ съ принятымъ текстомъ. Изъ казанскаго склада свящ. книги рассылались въ Уфу, въ Симбирскъ и въ Нижній-Новгородъ. Въ послѣднемъ во время ярмарки роздано до 10 тысячъ экземпляровъ св. книгъ. Дѣятельность общества въ Одессѣ, которая составляетъ самостоятельный южный округъ, въ отчетномъ году представляетъ

ся весьма успешно. Изъ одесскаго склада въ 1873 г. выпущено 76,942 экземпляра св. книгъ на языкахъ славянскомъ, русскомъ, еврейскомъ, нѣмецкомъ, польскомъ, армянскомъ, греческомъ, латинскомъ и на многихъ восточныхъ языкахъ. Изъ этого склада были отправлены книгоноши въ губернии—волинскую, кievскую, орловскую, воронежскую и въ Тифлисъ. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ, особенно въ Тифлисѣ распространение св. книгъ, по словамъ отчета, шло чрезвычайно успешно. Въ Финляндіи библейское британское общество въ отчетномъ году распространило 3,762 экземпляра св. книгъ. А изъ варшавскаго склада продано этихъ книгъ 22,797 экземпляровъ.

Въ означенномъ 1873 г. вновь открыты обществомъ склады книгъ еще во многихъ мѣстахъ нашего отечества. Въ зависимости отъ петербургскаго склада были основаны новые склады св. книгъ: въ Митавѣ, Видавѣ и Смоленскѣ. Новый самостоятельный складъ заведенъ также въ Харьковѣ, изъ котораго было продано значительное число св. книгъ въ учебныя заведенія. Въ этомъ же году открытъ новый складъ св. книгъ и въ Москвѣ. На этотъ складъ отчетъ обращаетъ особенное вниманіе и ожидаетъ отъ него самыхъ благотворныхъ для дѣла общества послѣдствій, по положенію сего склада въ столицѣ, составляющей центръ обширныхъ торговыхъ сношеній. Изъ этого склада въ продолженіе десяти мѣсяцевъ перваго года его существованія распространено уже около 43,000 экземпляровъ священныхъ книгъ.

Въ виду такихъ добрыхъ результатовъ дѣятельности британскаго библейскаго общества въ Россіи отчетъ выражаетъ живѣйшую радость и твердую надежду на успѣхъ еще болѣе въ будущемъ. Условія распространенія св. писанія въ Россіи въ высшей степени благоприятны, говоритъ отчетъ. Въ Россіи, говоря вообще, случаи, когда продавцы Библии встрѣчали насмѣшку или противодействіе, рѣдки. Правда, невѣжества и предрасудковъ тамъ довольно, довольно много и такихъ, которые не заботятся о божественномъ; но вообще на св. писаніе русскіе, да же равнодушные, смотрятъ съ уваженіемъ, если не съ почтеніемъ. Русскіе чрезвычайно религіозный народъ; требуется только большее распространеніе чистаго свѣта евангелія для очищенія и возрожденія всѣхъ классовъ общества.

На этомъ широкомъ для спасительной дѣятельности полѣ первыми и усерднѣйшими дѣятелями должны быть, конечно, пастыри церкви. Это святое дѣло—ихъ прямое дѣло.

ИЗВѢСТІЕ.

О произношеніи четвертаго возгласа на великой вечерни. На великой вечерни, по стихословіи, четвертый возгласъ произносится различно. Одни возглаголюютъ такимъ образомъ: «яко Ты еси Богъ нашъ, и Тебѣ славу возсылаемъ,» и проч.; другіе же такъ: «яко Ты еси Богъ нашъ, *Богъ милости и спасти,* и Тебѣ славу возсылаемъ,» и проч. Причина такого различія въ произношеніи одного и того же возгласа заключается въ томъ, что въ типикѣ о всенощномъ бдѣніи и утрени воскресной этотъ возгласъ напечатанъ не вполне, а только первыми словами: «яко Ты еси Богъ нашъ,» а что слѣдуетъ далѣе — не пояснено. Какой же изъ этихъ возгласовъ настоящий и правильный? Употребляющіе первый, безъ прибавленія «Богъ милости и спасти,» основываются на томъ, что возгласъ по третьей пѣсни канона утрени въ служебникахъ напечатанъ безъ сказанной прибавки; а тѣ, которые произносятъ съ прибавленіемъ, основываются на томъ, что возгласъ послѣ молитвы третьяго антифона на божественной литургіи преждеосвящ. даровъ во всехъ служебникахъ напечатанъ такъ: «яко Ты еси Богъ нашъ, *Богъ милости и спасти,* и Тебѣ славу возсылаемъ,» и проч. Каждому должно быть понятно, что чинъ вечерни воскресной или праздничной всенощной согласуется и долженъ согласоваться съ чинномъ вечерни при литургіи преждеосвящ. даровъ, но никакъ не съ утренею, гдѣ возгласы совсѣмъ другіе. Слѣдовательно возгласъ, о которомъ идетъ рѣчь, должно произносить съ прибавленіемъ «Богъ милости и спасти.»

(Руковод. для сельск. паст.).

ОБЪЯВЛЕНІЕ

**отъ Валуйскаго Городскаго Общественнаго
Банка**

Воронежской губерніи.

Валуйскій Городской Общественный Банкъ имѣетъ честь довести до всеобщаго свѣдѣнія, что онъ открываетъ свои дѣйствія съ 1-го Января 1875 года ежедневно отъ 10 до 1 часа.

Банкъ будетъ производить слѣдующія операціи:

1) Приемъ вкладовъ; 2) Учетъ векселей; 3) Ссуды подъ разнаго рода залого, и 4) Вклады на храненіе.

Вклады Банкъ принимаетъ для обращенія изъ процентовъ отъ присутственныхъ мѣстъ, казенныхъ и общественныхъ учрежденій, отъ должностныхъ всѣхъ вѣдомствъ и частныхъ всѣхъ сословій лицъ, находящихся въ г. Валуйкахъ и другихъ городахъ Имперіи а также капиталы, принадлежащіе монастырямъ, церквамъ городскимъ, сельскимъ и акціонернымъ обществамъ.

Вклады принимаются отъ вкладчиковъ лично и чрезъ почту, или на неопредѣленное время, т. е. до востребованія, или на сроки.

На вклады Банкъ илатитъ слѣдующіе проценты: на безсрочные, если вкладъ пробудетъ въ Банкѣ не менѣе 6-ти мѣсяцевъ - по 6% на рубль въ годъ, на срочные отъ одного до трехъ лѣтъ 6¹/₂ % , отъ 3-хъ до 12-ти лѣтъ — 7%. Сверхъ того Банкъ, на основаніи банковаго положенія, стирываетъ приемъ вкладовъ на вѣчное время съ выдачею процентовъ по семи съ половиною копѣекъ на рубль въ годъ. Покупаетъ и продаетъ процентные бумаги.

Редакторы: (Прот. Ө. Никоновъ.
(Свящ. І. Адамовъ.

Печатать дозволяется. Цензоры: Прот. Н. Волковъ, и свящ. П. Пажитный.
Января 15-го дня 1874 года.

Воронежъ. Въ типографіи Н. Д. Гольдштейнъ.